

Семю Семюновичу Артемьевичу

на память отъ

М. Кошляковъ

20 января 1864 г.
С. Петербург.

КОБЗАРЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
28 апрѣля 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*,

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(АВТОБІОГРАФІЯ.)

Я вполнѣ сочувствую вашему желанію познакомить читателей «Народнаго Чтенія» *) съ исторіею жизни людей, выбившихся своими способностями и дѣлами изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ. Подобныя свѣдѣнія поведутъ, мнѣ кажется, многихъ къ сознанію своего человѣческаго достоинства, безъ котораго невозможны успѣхи общественнаго развитія въ низшихъ слояхъ населенія Россіи. Моя собственная судьба, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія, глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ. Вотъ почему я рѣшаюсь обнаружить передъ свѣтомъ нѣсколько печальныхъ фактовъ моего существованія. Я бы желалъ

*) Предлагаемая автобіографія г. Шевченка написана имъ въ видѣ письма къ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія».

изложить ихъ въ такой полнотѣ, въ какой покойный С. Т. Аксаковъ представилъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, тѣмъ болѣе, что исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины. Но я не имѣю духа входить во всѣ ея подробности: это могъ бы сдѣлать человѣкъ, успокоившійся внутренно и успокоенный насчетъ себѣ подобныхъ внѣшними обстоятельствами. Все, что я могу покаместъ сдѣлать въ исполненіе вашего желанія, это — представить вамъ въ короткихъ словахъ фактической ходъ моей жизни. Когда вы прочтете эти строки, вы, я надѣюсь, оправдаете чувство, отъ котораго у меня сжимается сердце и коснѣетъ рука.

Я — сынъ крѣпостного крестьянина, Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году, февраля 25-го, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ, у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-попѣхача. Эти школяры, въ отношеніи къ дьячкамъ, то же самое, что мальчики, отданные родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Правъ надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они — полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячокъ — замѣтьте, горькій цыаница — и что я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностью,

не имѣя ни единого существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моемъ положеніи. Какъ-бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжелой жизни въ такъ-называемой школѣ прошелъ я *Грама́тку*, *Часло́вецъ* и, наконецъ, *Псалтирь*. Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячокъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, *Псалтирь* по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за то десятую копейку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Іоною Лимаремъ, такъ-что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки-пьяными. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ, въ отношеніи къ нему, лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій мильонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди — местию и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное

его оружіе — розги, и, на сколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *кунштнками*, то есть гравированными картинками, вѣроятно самой-плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ, или не устоялъ противъ искушенія, похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.

Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень-мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листкѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣнье мнѣ измѣнило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твердою рѣшимостью — перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство, хоть въ самой-малой степени, желалъ я страстно. Но, увы! Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокру-

шеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало, однакожь, какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, *пастыремъ стадъ непорочнымъ*, съ тѣмъ, чтобы, хотя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку съ куншticaми. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаравары и, наконецъ, въ комнатные казачки.

Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ Заднѣпровской Украины, Полякамъ. Помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ казачковъ, какъ выдумку, неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда казачкомъ сдѣлать казака ручнымъ съ самаго дѣтства — это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу человека быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былого времени содержали казачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Казачки играли, для панской потѣхи, веселыя двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музою съ горя, подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ Поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщенной гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, ко-

торымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго Нѣмца, смотрѣлъ на казачка болѣе-практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моею народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же, возлѣ него, трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть-слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая, украдкою, картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.

Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ, и таскалъ за собою, въ обозѣ, меня, для сидѣнья въ передней, подаванія трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по-мѣму на свое прошедшее. Странствуя съ своимъ бариномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои,

какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, казакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ, не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ, какъ только возможно, вѣрныя копіи.

Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильно, въ 1829 году, декабря 6-го, панъ и пани уѣхали на балъ въ такъ-называемые *рессурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ все успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденныя сокровища и, выбравъ изъ нихъ казака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ казачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ не за мое искусство — нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достоинственнымъ усердіемъ.

Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ-какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, контрактровалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ

деховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Санктпетербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другаго дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь гнетъ врожденнаго его генія, я въ свѣтлыя весеннія ючи бѣгалъ въ Лѣтній Садъ рисовать со статуи, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до-сихъ-поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, перпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, казакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человекъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра.

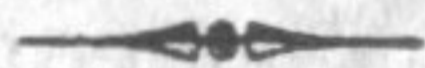
Въ 1837 году Сошенко представилъ меня конференц-секретарю Академіи Художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбой — освободить меня отъ моей калкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу З. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ

Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями, и этою цѣною куплена была моя свобода въ 1838 году апрѣля 22.

Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободного художника.

О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она — спасибо ей — обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напечатана только одна баллада *Причинна*. Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія — объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ рассказѣ въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями — не погибнуть? Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно; оно тѣмъ-болѣе для меня

ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мнѣ тяжело было вспомнить въ своемъ разсказѣ, до-сихъ-поръ — крѣпостные. Да, милостивый государь, они крѣпостные до-сихъ-поръ!

Охъ вы, думы мои, думы!

Тяжело мнѣ съ вами!

Что стоите на бумагѣ

Хмурыми рядами?

Что васъ въ полѣ, какъ былинку,

Вѣтромъ не умчало?

Что васъ, словно сиротинку,

Горе не заспало?

Видно горе на смѣхъ въ свѣтъ васъ породило,

Подило слезами... лучше бь утопило,

Утопило въ морѣ, разнесло по полю:

Не спросили бь люди, что меня томить,

Отчего грущу я, проклиная долю,

Тягощуся свѣтомъ?... «Видно, такъ и быть!»

Не сказали бь на смѣхъ....

Думы мои, дѣти!
 Для чего любилъ васъ, для чего ласкалъ?
 Иль заплачетъ сердце хоть одно на свѣтѣ,
 Такъ, какъ я надъ вами? . . . Можетъ угадалъ! . . .

Или сердце, или очи
 Карія найду я,
 Что заплачутъ и надъ вами? . . .
 Больше не хочу я!

Лишь одну слезинку съ карихъ —
 Панъ я надъ панами!
 Охъ вы, думы мои, думы!
 Тяжело мнѣ съ вами!

.

Охъ вы, думы мои, думы!
 Свѣты мои, дѣти!
 Я растилъ васъ — на кого же
 Васъ покину въ свѣтѣ?

Въ Украину вы идите,
 Въ нашу Украину,
 Подъ илетнями, сиротами, —
 Я же — здѣсь загину.

Тамъ вы правду, тамъ вы сердце
Вѣрное найдете,
А быть можетъ и святую
Славу наживете. . . .

Приласкай же Украина,
Милая сторонка,
Моихъ дѣтокъ, какъ родного
Своего ребенка!

Н. Гербель.

ПЕРЕБЕНДЯ *).

Перебендя, старый, хилый —
Кто его не знает?
Онъ шатается повсюду
Съ кòбзой, да играетъ.
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
Онъ и днюетъ и ночуетъ
Въ полѣ, сиротина;
Нѣтъ избы у горемыки;
Шутитъ съ нимъ судьбина,
Издѣвается надъ старымъ, —
А кобзарь ни слова;
Сядетъ гдѣ нибудь, затанетъ:
«Не шуми дуброва!»
Запоетъ, да и припомнитъ,
Что онъ сиротина,

*) ПЕРЕБЕНДЯ — здѣсь собственное имя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно выражаетъ и образъ жизни кобзаря, непостоянный, невѣрный, бродячій.

Потоскуеть, погорюеть,
Сидючи подь тыномъ.

Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да бывалый!

Пѣснь про «Чалаго» *) затынетъ,
Кончить разудалой;

Въ полѣ съ дѣвками — поеть имъ
«Гриця» да «Веснянку»,

А въ шинкѣ да съ молодцами —
«Сѣрбина», «Шинкарку»;

Съ молодцами на свадьбѣ
(Гдѣ свекруха злая) —

Про «Топòлю», «Злую долю»,
А потомъ — «У гаю»;

На базарѣ — «Лазарь»-пѣсню,
Аль, чтобъ люди знали,

Запоеть, какъ Сѣчь родную
Войски разоряли.

Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да обычный!

Засмѣется, а слезами
Кончить, горемычный.

Вѣтеръ вѣеть-повѣваетъ,
Пò полю гуляетъ.

*) Извѣстная украинская пѣсня, отличающаяся особенно-грустнымъ напѣвомъ.

На могилѣ Перебендя

Пѣсни распѣваетъ.

Степь широкая, какъ море,

Вкругъ него синѣетъ;

За могилою могила,

Дальше — чуть виднѣетъ. . . .

Старый усъ съ сѣдой чуприной

Вѣтеръ развѣваетъ;

То приляжетъ и внимаетъ,

— Какъ кобзарь играетъ,

Какъ сердце смѣется, какъ очи рыдаютъ. . . .

Послушаетъ, встанетъ — и вновь повѣваетъ. . . .

Старикъ приютился въ степи на могилѣ,

Чтобъ вихри по полю слова разносили,

Чтобъ люди не слышали слова благова,

Затѣмъ, что то слово — есть Божіе слово:

Тò съ Господомъ сердце бесѣду ведетъ,

Тò сердце Господнюю славу поётъ;

А дума на тучѣ по свѣту гуляетъ,

Орломъ сизокрылымъ летаетъ, ширяетъ,

И небо лазурное крыльями бьётъ;

Подыметъ къ солнцу, летитъ, вопрошаетъ:

Гдѣ солнце ночуетъ, какъ солнце встаётъ;

Послушаетъ моря, что думаетъ море;

На гору — и спроситъ: «чего ты нѣмà?»

И снова на небо, подальше отъ горя,

Затѣмъ, что на свѣтѣ нѣтъ мѣста, угла

Тому, кто все знаетъ, тому, кто все чуетъ:

Что думаетъ море, гдѣ солнце ночуетъ.

Никто пріютить бѣдняка не беретъ.
 Какъ солнце, межъ ними одинъ онъ, избранный.
 Всѣ знаютъ его: онъ на свѣтѣ живетъ;
 А если бъ узнали, что онъ, безталанный,
 Поётъ на могилѣ, съ волной говоритъ:
 Въ немъ Божіе слово они бъ осмѣяли,
 Глупцомъ бы назвâли, изъ хаты прогнали:
 «Пускай онъ», сказали бъ, «надъ моремъ парить!»

Хорошо, кобзарь мой милый,
 Дѣлаешь, что ходишь
 Пѣть и думать на могилу, —
 Рѣчи съ ней заводишь!
 Приходи, пока, мой голубь,
 Сердце не остыло;
 Пой, чтобъ люди не слыхали,
 Какъ поешь уныло.
 А чтобъ люди не чуждались,
 Потакай имъ — барамъ!
Скачи, враже, якъ панъ кâже:
 Онъ богатъ не даромъ.

Вотъ такой-то Перебендя,
 Странный да обычный!
 Грянетъ «Горлицу», а кончитъ
 Жалобой привычной!

И. Гербель.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
 Пò полю гуляетъ,
На краю дороги тополь
 Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
 Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
 Поле вокругъ сянѣетъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо, —
 Смотришь — приуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
 Сядетъ на могилѣ, —
Поглядитъ — заночетъ сердце:
 Возлѣ ни былины!
Одинока, сиротою,
 Вянетъ на чужбинѣ.
Кто жь растилъ ее, да холилъ
 На гибель злую?

Красны дѣвицы, постойте —

Все вамъ расскажу я!

Полюбила молодого

Казака дѣвчина,

Полюбила — упустила,

Тотъ ушелъ — и сгинулъ.

Если бѣ знала, что покинетъ,

То бѣ не полюбила;

Если бѣ знала, что уйдетъ онъ,

Такъ бы не пустила;

Если бѣ знала — не ходила бѣ

Поздно за водою,

Не стояла бѣ до полночи

Съ милымъ надъ рѣкою;

Если бѣ знала! . . .

И то горе —

Знать, что повстрѣчаешь —

Знать впередъ, что съ нами будетъ

Лучше, какъ не знаешь!

Не пытайте доли: сердце

Суженаго знаетъ. . . .

Пусть болить, пока на вѣки

Въ землю закопаютъ!

Вѣдь не долго вы румяны,

Пышны, бѣлолицы;

Брови — черны, очи — кари

Не на вѣкъ, дѣвицы!

До полудня и — завянуть,
Брови полиняютъ. . . .
Красны дѣвицы, любите,
Какъ сердечко знаетъ!

Защебечетъ соловейко
На лугу въ калинѣ, —
Запоетъ казакъ, гуляя,
Бродя по долинѣ.
И поетъ, пока не выйдетъ —
Не увидитъ милой,
Не увидитъ и не спроситъ:
«Мать тебя не била ль?»
Соловей себѣ щебечетъ. . . .
Станутъ, обоймутся,
И — довольны и счастливы —
Снова разойдутся.
И никто у ней не спроситъ,
Сердца не пытается:
«Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
Красна дѣвица любила,
А сердечко млѣло!
Сердце чужло невзгоду,
А сказать не смѣло.
Не сказало — и осталась. . . .
День и ночь воркуетъ,
Какъ безъ голубя голубка,
А никто не чуетъ.

Соловей ужь не щебечеть
 Въ полѣ надъ водою;
 Не поетъ моя казачка,
 Стоя надъ рѣкою;
 Свѣтъ постыль: ей не поется;
 Бродитъ сиротиной.
 Безъ милòго — какъ чужіе
 Мать съ отцомъ родимымъ;
 Безъ милòго солнце ль свѣтитъ —
 Вòрогомъ смѣется;
 Безъ милòго свѣтъ — могила...
 А сердечко бьется!

Годъ прошелъ, другой проходитъ —
 Друга не приноситъ;
 Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ,
 А никто не спроситъ...
 — Что ты, дочка, что ты сохнешь? —
 Мать ей не сказала;
 За богатаго, сѣдого
 Выдти принуждала.
 — Выходи! — ей говорила:
 — Вѣкъ не быть дѣвицей!
 Онъ богатый, одинокій:
 Будешь жить царицей. —
 «Не хочу я жить царицей!
 «Не пойду я, ма̀ма!
 «Ручниками, что̀ я шила,
 «Опустите въ яму.

«Пусть попы поють, а дружки)

«Плачутъ надо мною:

«Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчаться —

«Быть его женою!»)

Не послушалась старуха:

Дѣлала, что знала;

Все видала молодая, —

Сохла и молчала.

Вышла ночью къ ворожейкѣ

Допытаться слова:

Долго ли на этомъ свѣтѣ

Жить ей безъ милòго?

«Бабушка, голубушка,

«Цвѣтикъ мой махровый!

«Ты скажи, скажи всю правду, —

«Гдѣ мой чернобровый?

«Живъ ли онъ, здоровъ и любить,

«Аль забылъ - покинулъ?

«Я пойду за нимъ повсюду!

«Живъ онъ, али сгинулъ?

«Бабушка, голубушка,

«Молви, если знаешь! —

«Выдаетъ меня родная

«За сѣдого замужъ.

«Полюбить его, голубка,

«Сердца не научишь.

«Я бъ пошла да утопилась —

«Душу, жаль, погубишь!

«Если умеръ чернобровый,
 «Сдѣлай, моя пташка,
 «Чтобъ домой я не вернулась...
 «Тяжко сердцу, тяжело!
 «Тамъ со сватами ждетъ старый...
 «Укажи жь мнѣ долю!»
 — Хорошо. Сосни немного...
 Помни жь мою волю!
 Эхъ! сама была я дѣвкой,
 Это горе знаю;
 Миновало — научилась:
 Людямъ помогаю.
 Про твою я долю, дочка,
 Прошлымъ лѣтомъ знала;
 Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
 Зелье припасала. —

Встала старая и съ полки
 Скляницу достала.
 — Вотъ тѣ зелье! Выдь на рѣчку
 До зари, сказала:
 Пѣтухи пока не пѣли,
 Поспѣши умыться,
 Выпей зелья — и все горе
 Прахомъ разлетится.
 Выпей — и бѣги скорѣе;
 Чтò бъ тамъ ни казалось,
 Все бѣги, пока не станешь
 Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.

Отдохнешь; а какъ проглянетъ
 Мѣсяцъ изъ-за сада,
 Выпей снова; не прійдетъ онъ —
 Въ третій выпить надо.
 Съ разу — какъ за прошлымъ лѣтомъ —
 Будешь ты такою;
 Отъ другаго — середь степи
 Топнетъ конь ногою.
 Если живъ казакъ, то мигомъ
 Онъ къ тебѣ прибудетъ.
 А отъ третьяго.... Ахъ, дочка,
 Не пытай, что будетъ!
 Только помни, не крестися —
 Все снесетъ водою....
 Ну, иди же! полюбуйся
 Прежней красотою! —

Взявши зелье, поклонилась:
 «Ну, прощай, бабуся!»
 Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?»
 «Нѣтъ, ужь не вернуся!»
 Вмигъ умылась, напилась —
 И повеселѣла,
 Вотъ еще, еще — и, словно
 Сонная, запѣла:
 «Ты плыви, плыви же, лебедь,
 «Пò морю синѣму!
 «Ты расти, расти же, тополь,
 «Къ небу голубому!

«Дорости, высокъ и тонокъ,
«Вплоть до самой тучи,
«Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
«Аль загину, ждучи? . . .
«Посмотри, какъ доростешь ты,
«За синѣе море:
«Тамъ за моремъ моя доля,
«Здѣсь надъ моремъ — горе.
«Тамъ мой милый, чернобровый
«Пò полю гуляетъ;
«А я плачу, годы трачу, —
«Друга поджидаю.
«Разскажи ему ты, сердце,
«Что смѣются люди;
«Ты скажи ему, что сгину,
«Если позабудетъ.
«Мать сама меня хоронить —
«Въ землю зарываетъ. . . .
«Безъ меня ее, родную,
«Кто-то приласкаетъ?
«Кто присмотритъ, кто разспроситъ,
«Въ старости поможетъ?
«Мать моя! моя ты доля!
«Боже Ты мой, Боже!
«Посмотри за море, тополь,
«Если нѣтъ — не будетъ, —
«Ты заплачь передъ зарею —
«Не видали бъ люди!
«Ты расти, расти же, тополь,
«Къ небу голубому!

«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«Пò морю синёму!»

Такъ въ степи моя казачка
Пѣла - распѣвала.

Зелье дива натворило —
— Тополемъ вдругъ стала.

Не вернулась къ родимой,
Въ полѣ друга ждучи;

Доросла — тонка, висока —
Вплоть до самой тучи.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
Пò полю гуляетъ,

На краю дороги тополь
Долу нагибаетъ.

Н. Гербель.

УТОПЛЕННИЦА.

Вѣтеръ по лѣсу не рыщетъ —
Спитъ - опочиваетъ;
А пробудится — тихонько
Тростники пытается:
«Кто здѣсь косу холить, чешеть,
«Бродить по откосу?
«Кто тамъ, кто тамъ за рѣкою
«Рветъ и треплетъ косу?
«Кто же это? кто?» тихонько
Спроситъ онъ, повѣетъ
И опять заснетъ, покамѣстъ
Небо не зардѣетъ.
«Кто же это? кто же?» спроситъ
Дѣвица иная.
Та, что ходить по откосу —
Дочка; а другая,
Что блуждаетъ за рѣкою —
Мать ея родная.

Ужъ давнымъ-давно Украина
Ту былину знала,
Какъ въ селѣ, въ нарядной хатѣ
Вдовушка живала.
Черноброва, бѣлолица,
Статна да высòка....
А въ жупанѣ, словно пани
Спереди и съ боку.
Молода была, пригожа,
А за молодою,
Да къ тому жъ еще за вдовою
Казаки ордою
Такъ и ходятъ. И за нею
Вся орда ходила
До тѣхъ поръ, покамѣсть дочку
Вдовушка родила....
И не тужить: къ добрымъ людямъ
Вызнала дорожку,
И сдала въ чужой деревнѣ
Дочку на кормѣжку.
Подождите, то ли будетъ!
Люди дочь растили,
А вдова-то — былъ ли праздникъ,
Или будни были —
Съ холостымъ ли, иль женатымъ —
Пѣла да гуляла
До тѣхъ поръ, пока на горе
Ужъ на тою стала:
Не слыхала, какъ минули
Красные годочки!..

Горе! горе! мать старѣетъ,
 Расцвѣтаетъ дочка,
 Выростаетъ.... И вотъ Ганна
 Выросла на волѣ
 Высока, тонка и гибка,
 Словно тополь въ полѣ.
 «Я Ганнуси не боюся!»
 Мать имъ напѣваетъ;
 А молодчики смѣются,
 Да на дочь моргаютъ.
 Тутъ рыбакъ и подвернулся
 Бравый да кудрявой:
 Млѣетъ, сохнетъ, чуть сойдется
 Съ Ганною чернявой.
 Увидала мать-старуха —
 Къ ней простоволосой:
 «Вишь растрепанная погань,
 «Выкидышь ты босый!
 «Разневѣстилась некстати,
 «Съ парнями гуляешь....
 «Больно рано! — вотъ постой-ка!
 «Мать вѣдь не захаетъ,
 «Нѣтъ, голубка!»
 И, со злости,
 Съѣла бы, казалось....
 И то мать была! Гдѣ жъ сердце
 Женское дѣвалось?
 Сердце матери? ... Охъ, горько
 Такъ на свѣтъ родиться:

Красоту имѣть, а сердца

Не имѣть, дѣвицы.

Изогнется станъ высокій,

Брови блекнуть станутъ,

И не хвѣтитесь; а люди

Смѣючись вспомнятъ

Ваши годы молодые,

Да и скажутъ — свяла.

Тяжко плакала Ганнуся,

И сама не знала

Отчего ее родная

Лааетъ - проклинаетъ,

Безъ стыда дитя родное

Выкидышемъ хааетъ.

Крѣпко мучила, томила —

Все не помогало:

Словно макъ на огородѣ,

Ганна расцвѣтала;

Какъ калина при долинь

Подъ росистой зорькой,

Красотой разубиралась,

Мылась слезкой горькой.

«Заколдована!... постой же!»

Шепчетъ мать со злости:

«Ужь пойду же я за зельемъ

«Къ старой вѣдьмѣ въ гости!»

Отыскала вѣдьму, зелья

У нея добыла,

И тѣмъ зельемъ до разсвѣта

Дочку напоила.

Все нѣтъ толку.... И съ досады

Мать клянеть, бывало,

Тотъ и день и часъ, въ который

— Дочь на свѣтъ рожала.

«Душно мнѣ; пойдѣмъ-ка, дочка,

«Въ озеро купаться».

— Ладно, мама! —

На откосѣ

Стали раздѣваться.

И раскинулась Ганнуся

На сорочкѣ тонкой....

А рыбакъ чуть дышетъ, глядя

Сквозь ивнякъ сторонкой....

(Ахъ, и я, бывало!.... вспомнишь —

Стыдъ одолѣваетъ....)

Какъ дитя, зеленой вѣткой

Дѣвица играетъ,

Станъ сгибаеть, разгибаеть,

Да на солнцѣ грѣеть.

Мать глядитъ и отъ досады

Млѣеть и нѣмѣеть;

Растрепалася, босая

Ходить по откосу,

Съ пѣной у рту; какъ шальная,

Рветъ да треплетъ косу, —

И вдругъ кинулася къ Ганнѣ,

Въ косы ей вцѣпилась.

«Мàма! мàма! что съ тобою?»

Бездна разступилась,
Закипѣла, застонала

И обѣихъ скрыла.

Только тутъ рыбакъ очнулся —

Знать проснулась сила —

Въ воду кинулся; руками

Волны разрываетъ,

Вотъ доплылъ — нырнулъ въ пучину,

Снова выплываетъ,

И утопленницу Ганну

На берегъ выносить,

Изъ заклятыхъ рукъ старухи

Вырываетъ косы.

«Охъ ты сердце мое, доля!

«Дай взглянуть мнѣ въ очи!

«Погляди же, улыбнися!

«Аль ужъ нѣтъ и мочи?»

Плачетъ, падаетъ на землю,

Очи ей цалуетъ,

Раскрываетъ. «Погляди же!...

«Нѣтъ, она не чуетъ!...»

На песокъ лежитъ недвижно,

Руки раскидала;

Рядомъ съ нею мать-старуха

Мертвая лежала:

На лобъ выкатились очи

Отъ ужасной муки;

Глубокò въ песокъ впилися

Скорченныя руки.

Долго плакаль чернобровый:
 «Нѣтъ у парня роду,
 «Нѣту доли здѣсь на свѣтѣ, —
 «Такъ пойдѣмъ же въ воду!»
 Поднялъ дѣвицу — цалуетъ. . . .
 Бездна застонала,
 Разступилась, вновь закрылась,
 И слѣда не стало. . . .

Съ той поры дорога къ пруду
 Заросла травой;
 Не купаются въ немъ дѣвки —
 Ходятъ стороною;
 А завидятъ — начинаютъ
 Набожно креститься,
 И зовутъ его заклятымъ. . . .
 А въ ночи, дѣвицы,
 Выплываетъ мать-старуха,
 Сядетъ на откосѣ,
 Въ мокрой, порванной сорочкѣ,
 Рветъ и треплетъ косы,
 И глядитъ на берегъ дальній
 И чего-то просить. . . .
 А волна межъ тѣмъ Ганнусю
 На берегъ выноситъ.
 Вся нагая, встрепенется,
 Сядетъ на песочкѣ. . . .
 И рыбакъ плыветъ съ подаркомъ
 Ганнѣ на сорочку:

Онъ несетъ ей травъ душистыхъ ;

Поцалуетъ въ очи —

Да и въ воду: любоваться

На красу нѣтъ мочи!

И никто того не знаетъ,

Что въ лѣсу бываетъ:

Только вѣтеръ у осѣки

Пошептомъ пытается:

«Кто тамъ, кто тамъ легкой тѣнью

«Бродить по откосу,

«И тоскуетъ и все чешетъ

«Шелковую косу?»»

Всеволодъ Крестовскій.

ПОРЧЕНАЯ.

Реветъ и стонетъ Днѣпръ широкій,
Сердитый вѣтеръ вербы гнетъ,
И гребни волнъ горой высокой
Взметаешь вверхъ и вдаль несешь.
А мѣсяцъ блѣдный той порою
Сквозь тучи изрѣдка сіялъ,
Какъ чолнъ надъ бездною морскою,
То вынырять, то утопалъ.
Еще въ селѣ не просыпались,
Три раза пѣтель не пропѣлъ;
Сычи въ лѣсу перекликались,
Да яшень гнулся и скрипѣлъ.

Въ эту пору у дубровы,
Подъ крутой горою,
Что-то бѣлое мелькаетъ,
Бродить надъ водою.
Можетъ быть русалка вышла
Мать искать сироткой,

Али парня ждетъ, чтобъ ночью
Извести щекоткой.
Нѣтъ! — то дѣвица гуляетъ,
И сама не знаетъ
(Знать, испорчена бѣдняжка),
Что въ ночи блуждаетъ.
Такъ колдунья сворожила,
Чтобы не скучала,
Чтобъ, бродя въ глухую полночь,
Спала - поджидала
Казака, что прошлымъ лѣтомъ
Бѣдную покинулъ,
Обѣщался воротиться,
Да, должно быть, сгинулъ!
Не китайкой синей очи
Зоркія покрылись,
Не дѣвичьи слезы градомъ
На лицо катились:
Воронъ вынулъ кари-очи
Средь чужого поля,
Тѣло волки растерзали, —
Знать, такая доля!
Ночь, — а дѣвица милòго
Ждетъ да поджидаетъ.
Не вернется чернобровый
И не приласкаетъ,
Не расчешетъ чудо-косу,
Шеи не повяжетъ:
Не въ постель она — въ могилу
Сиротою ляжетъ.

Такая ей доля. . . . Господняя сила!
 За что жь ты караешь ея красоту?
 За то ль, что такъ крѣпко она полюбила
 Казацкія очи? . . . Прости сироту!
 Кого жь ей любить? — ни отца, ни родимой. . .
 Одна, какъ касатка въ далёкомъ краю.
 Пошли жь ты ей долю — быть также любимой;
 А то засмѣютъ сиротину мою.
 Виновна ль голубка, что голубя любитъ?
 Аль виненъ тотъ голубь, что палъ подъ грозой?
 Тоскуетъ голубка, да думу голубить,
 Что можетъ въ лѣсу заблудился милѡй.
 Счастлива голубка: высоко летаетъ, —
 Летитъ она къ Богу — про друга пытается. . .
 Кого жь сиротина разспроситъ — узнаетъ,
 И кто ей расскажетъ, и какъ кому знать,
 Гдѣ милый ночуетъ: въ лѣсу ль, въ чуждомъ краѣ,
 Аль поитъ коня во быстрѡмъ во Дунаѣ,
 Аль можетъ другую давно полюбилъ,
 И черныя брови ея позабылъ?
 Когда бы имѣла орлиныя крылья,
 За синимъ бы моремъ милѡго нашла;
 Живого бь — любила, её бь — задушила,
 А къ мертвому въ яму сама бы легла.
 Не такъ любить сердце, чтобъ съ кѣмъ подѣлиться,
 Не такъ оно хочеть, какъ Богъ намъ велитъ:
 Жить сердце не хочеть, не хочеть крушиться.
 «Крушись!» молвитъ думка, и горе сулитъ.
 О, Боже мой! знать такова Твоя воля,
 Такое ей счастье, такая ей доля!

Она все ходитъ, съ устъ ни вздоху. . . .
 Тиха Днѣпра стальная грудь:
 Разбивъ мракъ тучъ, съ переполоху,
 Лёгъ вѣтеръ къ морю отдохнуть;
 А мѣсяцъ по небу гуляетъ,
 И лѣсъ и воду озаряетъ;
 Кругомъ, какъ въ ухѣ, все молчитъ.
 Анъ глядь — смѣясь повынырjala
 Толпа дѣтей изъ водной мглы.
 «Пойдемъ-ка грѣться!» закричала:
 «Зашло ужъ солнце!» (Всѣ голы;
 Густыя косы изъ осоки,
 Затѣмъ, что дѣвочки)
 «Аль всѣ вы тутъ?» скликаетъ мать:
 «Пойдемъ-ка ужина искать.
 «Запоемъ-ко, поиграемъ,
 «Съ нашей пѣсней погуляемъ!
 «Ухъ! ухъ!
 «Соломенный духъ, духъ!
 «Мать меня на свѣтъ рожала,
 «Некрещеную бросала.
 «Мѣсяцъ нашъ!
 «Ты голубчикъ нашъ! —
 «Приходи ты къ намъ на ужинъ:
 «Съ нами парень; онъ недужень,
 «Спитъ въ зеленомъ тростникѣ;
 «Золотъ-перстень на рукѣ;
 «Молодъ, статень, черны брови;
 «Мы нашли его въ дубровѣ.
 «Свѣтъ свой дольше лей по полю, —

«Нагуляться бы намъ въ волю.
 «Пока вѣдьмы пролетаютъ,
 «Пѣтухи не запѣваютъ,
 «Посвѣти намъ. . . . Кто-то ходитъ!
 «Вонъ подъ дубомъ кто-то бродитъ!
 «Ухъ! ухъ!
 «Соломенный духъ, духъ!
 «Мать меня на свѣтъ рожала,
 «Некрещёную бросала.»

Захохотали зубоскалки. . . .

Лѣсъ отозвался: зыкъ и вой. . . .

Какъ сумасшедшія, русалки

Подъ дубъ кидаются толпой.

Притаилися — и смотрятъ,

Смотрятъ сквозь листьвины:

Что-то на дерево лѣзетъ

До самой вершины.

Это дѣвица всходила,

Что во снѣ бродила,

Потому-что ей колдунья

Такъ приворожила.

Влѣзла, стала на вершинѣ,

(Подъ сердце подводитъ!)

Вкругъ взглянула, поглядѣла

И на землю сходитъ.

Некрещенные вкругъ дуба

Молча поджидали;

Подхватили молодую
 И защекотали.
 Долго, долго дивовались
 На ея породу...
 Третьи пѣтелы пропѣли —
 Побросались въ воду.
 Залился, взлетая къ небу,
 Жаворонокъ звонкой;
 И кукушка гдѣ-то стала
 Куковать сторонкой;
 Соловей запѣлъ-защѣлкалъ...
 Мѣсяцъ потухаетъ;
 Зорька рдѣетъ за горою;
 Пахарь напѣваетъ.
 Лѣсъ чернѣетъ за горою,
 Гдѣ Ляхи ходили;
 Засинѣли длиннымъ рядомъ
 Надъ Днѣпромъ могилы;
 Шелестъ, гуль пошолъ дубровой;
 Шепчутся былинки.
 А дѣвица спитъ подъ дубомъ
 На краю тропинки.
 Знать, что крѣпко спитъ — не слышитъ
 Гула на разсвѣтѣ,
 Не пытается у кукушки —
 Долго ль жить на свѣтѣ?
 Той порой казакъ изъ лѣсу
 Ёдетъ — выѣзжаетъ;

Конь подъ нимъ, какъ воронъ черный,
Чуть переступаетъ.

«Изнемогъ ты, знать, товарищъ!

«Скоро — прочь забота:

«Близко хата, гдѣ отворить —

«Дѣвица ворота.

«Ужь, быть можетъ, отворила,

«Да не мнѣ — другому....»

«Шибче, конь! несись стрѣлою

«Ты къ селу родному!»

Притомился конь ретивый,

Шагъ — и спотыкнется....»

А вокругъ сердца удалого

Дума змѣемъ вѣтса.

Вотъ и онъ, тотъ дубъ кудрявый....

«Боже! Катерина!

«Вишь, заснула, поджидая,

«Милая дѣвчина!»

Кинуль поводъ — и къ желанной.

«Боже Ты мой, Боже!»

Кличетъ милую, цалуетъ....

Не помочь....

«За что же,

«Охъ, за что же разлучили

«Насъ они съ тобою?»

Засмѣялся, разбѣжался,

Да въ дубъ головою.

Вотъ ѣдутъ жницы въ полѣ жать,
 Да распѣвають идучи:
 Какъ провожала сына мать,
 Какъ бились нехристи въ нощи.
 Идутъ — подъ дубомъ воронѣй,
 Понутивъ голову, стоитъ,
 Съ нимъ рядомъ парень молодой
 Съ пригожей дѣвицей лежитъ.
 И къ парню каждая спѣшитъ,
 Чтобы, подкравшись, испугать;
 Взглянули — видятъ, что убить,
 И съ переизгугу — ну бѣжать.

Собиралися подружки,
 Слезы утираютъ;
 Собиралися сосѣди,
 Ямы имъ копаютъ....
 Шли священники съ крестами....
 Много было звону....
 Схоронили цѣлымъ міромъ,
 Съ честью, по закону,
 И насыпали надъ ними
 Двѣ могилы въ житѣ.
 Кто допытываться станетъ,
 Какъ они убиты?
 Посадили надъ удальимъ
 Яворъ и рябину,
 А надъ дѣвицей пригожей
 Красную калину.

Прилетаетъ къ нимъ кукушка
Куковать зарями;
Прилетаетъ соловейко
Щебетать ночами;
И поетъ, покаместъ мѣсяцъ
Встанетъ, загорится,
Да русалки изъ пучины
Выйдутъ порѣзвиться.

Всеволодъ Крестовскій.

ДУМА.

Льются волны въ сине море,
Да не вытекають;
Ищетъ доли казачина, —
Долюшки не знаетъ.

И пошелъ казакъ по свѣту
Бьется сине море,
Бьется сердце въ немъ, а дума
Говоритъ про горе:

«Ты куда идешь — не спросишь?
На кого покинулъ
Мать свою, отца родного,
Милую дѣвчину?»

«Тамъ не тѣ — иные люди, —
Тяжко жить межъ ними!
Не съ кѣмъ будетъ подѣлиться
Думами своими».

И сидитъ казакъ надъ моремъ....

Бьётся сине море.

Думаль, доля повстрѣчаетъ, —

Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся

Цѣлыми стадами.

Зарыдалъ казакъ: дороги

Поросли терна́ми.

Н. Гербель.

ДУМА.

Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине море!

Море знаетъ, гдѣ играетъ
Милый другъ съ волною;
Море скажетъ, гдѣ онъ ляжетъ
Буйной головою.

Если друга загубило,
Ты взволнуй пучину:
Я пойду искать милѡва;
Утоплю кручину

.
.
.
.

Припаду къ милòму другу,
Сердцемъ обомлѣю:
Пусть тогда несуть насъ волны,
Куда вѣтеръ вѣетъ!

Если жь встрѣтишь мила друга
Зà моремъ далёко,
Разспроси ты, какъ живется
Другу одиноко.

Если весель — я кручину
Утоплю въ пучину;
Если плачетъ — я заплачу;
Сгибъ — и я загину!

Мчи тогда меня въ чужбину,
Гдѣ лежитъ мой милый:
Стану красной я калиной
Надъ его могилой.

Сиротинѣ на чужбинѣ
Другу легче станетъ,
Какъ придетъ милая, глянетъ,
Вѣточки протянетъ.

Тѣ бы вѣтви сѣнью стали
Надъ его могилой,
Чтобы люди не топтали,
Солнце не палило.

Въ ночь поплачу я, покамѣсть
Въ небѣ мѣсяць свѣтитъ;
Встанетъ солнце — вытру слёзы, —
Люди не замѣтятъ!

Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине море!

Н. Бергъ.

ДУМА.

«Горько, тяжело жить на свѣтѣ

Сиротѣ безъ роду:

Негдѣ дѣться, пріютиться, —

Хоть съ горы да въ воду!

Утопился бѣ горемычный,

Чтобы не томиться;

Утопился бѣ, — тяжело сердцу,

Негдѣ схорониться.

У иного доля въ полѣ

Колоски собираетъ;

А моя далѣко гдѣ-то

За моремъ гуляетъ.

Кто богатъ, того на свѣтѣ

Люди уважаютъ;

А меня, какъ повстрѣчаютъ,

Словно и не знаютъ.

За богатымъ, тороватымъ

Дѣвки такъ и вьются;

Надо мною, сиротою,

Красныя смѣются.

Аль пришелся не по сердцу,
Какъ съ тобой спознался?
Аль люблю тебя некрѣпко?
Али насмѣхался?
Ты люби, моя голубка,
Какъ умѣешь-знаешь,
Да не смѣйся надо мною,
Ежели вспомянешь.
Я жь пойду бродить по свѣту
Исхожу чужбину —
Аль найду тебя пригожѣй,
Аль, какъ листъ, загину.»

И пошелъ казакъ, горюя —
Никого не кинулъ;
Думалъ — долю въ чуждомъ полѣ
Сыщеть, — да и сгинулъ.
Умирая, все на солнце
Онъ глядѣлъ, печальный
Тяжко съ свѣтомъ разставаться
На чужбинѣ дальней!

Н. Гербель.

ДУМА.

Для чего мнѣ черны брови,
Молодые годы?

Для чего мнѣ кари очи,
Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
Блѣкнуть, увядаютъ;
Очи плачутъ, черны брови
Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вянетъ безъ участя.....
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья!

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою:
Межь своими, межъ родными
Стала я чужою.

Что имъ въ томъ, что плачутъ очи! —

Кто меня разспросить? . . .

Да и нѣкому повѣрить,

Что такъ сердце просить, —

Что такъ сердце, какъ голубка,

День и ночь воркуетъ. . . .

И никто его не спросить,

Сердцемъ не почуветь.

И никто меня не спросить. . . .

И къ чему тревожить! . . .

Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,

Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,

Если плакать въ силѣ,

Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ

Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слёзы буйный

За лѣса, за море,

Чернобровому злодѣю

На лихое горе!

Н. Гербель.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

I.

Было время — по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали;
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все-то мѣнуло — остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелѣтнымъ
Шепчутся про волю.

Славу дѣдовскую вѣтеръ
 Пò полю разноситъ....
Внукъ услышитъ — пѣсню сложить,
 И съ той пѣсней косить.

Было время — на Украинѣ
 Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь —
 По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
 И теперъ вспомянешь,
Какъ-то легче станетъ сердцу,
 Веселѣе взглянешь.

II.

Встала туча надъ Лиманомъ,
 Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
 Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что жь, ребята,
 «Время мы теряемъ?»
«Въ лодки! — море расходилось:
 «То-то погуляемъ!»

Высыпають запорожцы;
 Вотъ Лиманъ покрыли
 Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
 Волны заходили
 За волнами, за горами
 Берега пропали.
 Сердце ноетъ; казаки же
 Веселѣе стали.
 Плещутъ веслы; пѣсня льется;
 Чайка вокругъ порхаетъ
 Атаманъ въ передней лодкѣ —
 Путь-дорогу знаетъ.
 Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
 Трубку сжалъ зубами;
 Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
 Гдѣ бѣ сойтись съ врагами?
 Закрутилъ онъ усъ свой черный,
 Вскинулъ чубъ косматый;
 Поднялъ шапку — лодки стали
 «Сгинь ты, врагъ проклятый!
 «Поплывемте не къ Синопу,
 «Братцы атаманы,
 «А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
 «Къ самому султану.»
 — Ладно, батька! — загремѣло.
 «Ну, спасибо, братцы!»
 И накрылся.

Вновь горами
 Волны громоздятся

И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходить, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

Мих. Михайловъ.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

За селомъ кобзàрь на кòбзѣ

Жалобно играетъ;

Вкругъ молодчики да дѣвки

Макомъ расцвѣтають.

Онъ играетъ, распѣваетъ,

Говоритъ словами,

Какъ Москва, Орда и Ляхи

Бились съ казаками.

Какъ *громада* *) собиралась

Въ воскресенье рано;

Хоронили казачину

Въ полѣ у кургана.

И поетъ кобзàрь, играетъ —

Горе съ нимъ смѣется:

«Было время — Сѣчь стояла, —

Было, не вернется!

*) Сходка, мiръ.

Встала туча изъ-за моря,
 А другая съ поля;
 Закручинилась Украина:
 Знать, такая доля!
 Закручинилась Украина,
 Какъ дитя, рыдаетъ.
 Не приходятъ къ ней на помощь....
 Вольность погибаетъ;
 Гибнетъ слава; негдѣ дѣться, —
 Мѣста нѣтъ на свѣтѣ;
 Некрещёнными казачьи
 Вырастаютъ дѣти;
 Неповѣнчанныя пары....
 Безъ попа хоронять;
 Вѣра кушлена жидами, —
 Вонъ изъ церкви гонять!
 Какъ тѣ вѣроны на полѣ,
 Съ Ляхами, станицей
 Налетаютъ униаты, —
 Некому вступиться.
 Отозвался Наливайко —
 Пала съ нимъ *кравчина* *)!
 Отозвался въ слѣдъ Павлюга —
 Сгинулъ казачина!

*) Народное названіе ополченія Наливайки. Въ отвѣтъ на насмѣшки шляхты, упрекавшей Наливайку тѣмъ, что онъ сынъ *кравца* (портнаго), дружина его, изъ гордости, стала называть себя *кравчиною*, т. е. портнягами, и подъ этимъ именемъ воспѣвала себя въ пѣсняхъ.

Отозвался панъ Трясило
 Горькими слезами:
 «Ненаглядная Украина
 «Стоптана Ляхами!»

«

«Отозвался на защиту
 Панъ Тарасъ Трясило,
 Отозвался: не забудуть
 Ляхи нашей силы!
 Отозвался панъ Трясило:
 «Полно вамъ крушиться!
 «А пойдёмъ-ка лучше, братцы,
 «Съ Поляками битися!»

«Ужь не трѣ дни, не три ночи
 Бьется панъ Трясило.
 Отъ Лимана до Трубайла
 Землю кровь вспоила.
 Изнемогъ казакъ, — нѣтъ силы,
 Тяжко закрушился;
 А поганый Конецпольскій
 Крѣпко ободрился:

Вкругъ себя собираетъ шляхту —
 Пировать до свѣта.
 Казаковъ Тарасъ собираетъ —
 Попросить совѣта:
 «Атаманы, панибраты,
 «Господа-громада *)!
 «Дайте мнѣ совѣтъ хорошій,
 «Что намъ дѣлать надо?
 «Торжествуютъ вражьи Ляхи
 «Наше безголовье» **).
 — Пусть пируютъ, торжествуютъ,
 Пусть ихъ — на здоровье!
 Пусть поютъ, покамѣстъ солнце
 За горою сядетъ,
 А казакъ, какъ ночь наступитъ,
 Съ паномъ-Ляхомъ сладить! —
 «Сѣло солнце за горою;
 Звѣзды засіяли.
 Казаки, какъ-будто туча,
 Ляховъ окружали.
 Только мѣсяць сталъ средь неба
 Пушка взговорила;
 Всполошились паны-Ляхи,
 Да ужь поздно было.

*) Буквальный переводъ украинскаго выраженія: *панове громадо*.

***) То есть — невзгону, несчастію.

Всполошились пàны-Ляхи,
 Да уже не встали:
 Встало солнце — пàны-Ляхи
 Мертвые лежали.

«Альта красною змѣю
 Вѣсть несетъ повѣдать,
 Чтобы вòроны летѣли
 Пàдали отвѣдать.
 Тучей вòроны слетѣлись —
 Ляховъ добудиться;
 Все казачество собралось
 Богу помолиться.
 И закаркали ворóны,
 Вынимая очи;
 Казаки запѣли пѣсню
 Подъ покровомъ ночи, —
 Той кровавой, темной ночи,
 Чтò на вѣки стала
 Славой войска и Тараса,
 Что Ляхòвъ заспала.

«Надъ рѣкой, въ степи, могила
 Высится, чернѣетъ;
 Гдѣ казачья кровь лилась —
 Травка зеленѣетъ.
 Вòронъ, съ голоду, печально
 На могилѣ кричетъ....

Вспомнить Сѣчь казакъ за плугомъ,
Вспомнить — и заплачетъ.»

Смолкъ кобзарь, горюя: руки
Что-то не играютъ.
Вкругъ молодчики да дѣвки
Слезы утираютъ.

Всталъ кобзарь, да какъ, съ кручины,
Грянетъ-заиграетъ:
Мигомъ мѡлодцы въ присядку,
А онъ припѣваетъ:

«Вотъ какъ будетъ, поглядите:
Дѣти, дома посидите!
Самъ въ шинокъ пойду съ печали;
Тамъ я жонку повстрѣчаю,
Повстрѣчаю — подѣлюся,
Надъ врагами посмѣюся!»

В. Гербель.

ГАМАЛЪЯ.

«Что ни вѣтру, ни волнѣ отъ родимой стороны,
Отъ Украйны милой!

Что-то наши не летятъ: видно биться не хотятъ
Съ некрещеной силой!

Вѣтеръ, вѣтеръ, зашуми! въ морѣ синемъ подыми
Дѣ неба пучину!

Наши слезы осуши, наши вздохи заглуши
И развѣй кручину!

Ты волной изъ края въ край, море синее, взыграй,
Взвой подъ байдаками:

То казаки къ намъ плывутъ, скоро-скоро будутъ тутъ,
Загуляютъ съ нами!

Хоть бы то и не по насъ, — добрый путь имъ въ
добрый часъ

Дай, великій Боже!

Хоть взглянуть на нихъ глазкомъ! наши головы потомъ
Веселѣй мы сложимъ!»

Такъ-то въ крѣпости въ Скутари казаки поютъ-гу-
 тарюють;
 Что на слезы ихъ горючи взвыль Босфоръ могучій,
 Всталъ, широкій, востепенулся, къ морю онъ мет-
 нулся,
 И понесъ онъ въ сине море казацкое горе,
 Сине море подхватило, къ Днѣпру прикатило —

Рѣчи братнихъ голосовъ,
 Вѣсточку изъ плѣна.
 Всталъ нашъ дѣдъ; съ сѣдыхъ усовъ
 Побѣжала плѣна;
 Зашумѣлъ онъ: «слышишь, Лугъ!
 Ты, сестра-Хортица!»
 — Слышу, слышу, братецъ-другъ! —
 Молвила сестрица.

Днѣпръ покрыли байдаки;
 И запѣли казаки:

«У Турчанки молодой
 На сторонущкѣ на той
 Хата на помостѣ.
 Море синее, играй!
 Скалы черныя ломай!
 Къ ней мы ѣдемъ въ гости!

«У Турчанки молодой
 Сундуки, лари съ казной,
 И всего есть въ волю.
 Не карманы вытряхать —
 Ёдемъ рѣзать, — выручать
 Братьевъ изъ неволи!

«У Турчанки молодой
 Янычаровъ съ ихъ пашой
 Цѣлая арава!
 Мы управимся съ врагомъ!
 Умирать намъ нипочемъ!
 Наша воля, слава!»

Такъ-то плыли, распѣвали:
 Весело казакамъ.
 Атаманъ ихъ Гамалѣя
 Управлялъ байдакомъ.
 Только сердце Гамалѣи
 Вдругъ захолонуло:
 Заиграло сине море,
 Байдакомъ рвануло.
 Да не больно синя моря
 Наши испугались:
 За волнами, за горами
 Спрятались, сховались.

Дремала въ гаремѣ — въ раю Византія,
 Дремалъ и Скутари; лишь шуменъ Босфоръ:
 Реветъ и клокочетъ, какъ-будто бы хочетъ
 Старикъ съ Византіей вступить въ разговоръ;
 Но море въ ту пору сказало Босфору:
 «Молчи, а не то твои рѣбра-валы
 Отъ краю до краю пескомъ закидаю!
 Смотри-ка, какіе летятъ соколѣ!»

И море завыло (знать нашихъ любило).
 Босфоръ испугался; утесы дрожатъ.
 Турчанка не внемлетъ. Султанъ же — тотъ дремлетъ.
 Лишь только въ Скутари казàки не спятъ:
 Все очи возносятъ, Всевышняго просятъ,
 И въ гости кого-то изъ-за моря ждуть;
 А волны-то скачутъ, и воютъ, и плачутъ,
 И на берегъ рвутся, и страшно режутъ.

«Всемогущій покровитель
 Всей Украйны милой,
 Нашъ защитникъ и хранитель,
 Господи, помилуй!
 Горьки слезы льемъ рѣкою
 Здѣсь и дни, и ночи;
 А умремъ — чужой землею
 Намъ засыплютъ очи!
 Запорожцамъ вѣрнымъ, Боже,
 Возврати свободу! . . . »

— Бей невѣрныхъ! — Это кто же?
Тьма кругомъ народу!

То они, невѣрныхъ страхъ,
То казàки на валахъ,
То на Гамалѣѣ
Шапочка алѣетъ!

Вотъ и пушки, лежа въ рядъ,
На Скутари говорятъ,
Но казацтво смѣло
Градомъ овладѣло.

Разбиваютъ казаки
У тюрьмы лихой замки,
Слышутъ соколята
Гамалѣю - хвата.

«Вольны пташки, изъ тюрьмы
Вылетаемъ снова мы.»

Ночь, и та проснулась,
Словно встрепенулась;
Засмотрѣлся цѣлый мiръ
На казацкiй славный пиръ;
Всѣ при Гамалѣѣ
Стали веселѣе.

«Что въ потьмахъ намъ ѣсть шишлыкъ!
Мы огня добудемъ въ мигъ!»

Вплоть до самой тучи
Дымъ встаетъ летучий:
Гамалѣевцы зажгли
На Босфорѣ корабли.

Видя Византія
 Огнища такія,
 Пробудилася — и вотъ
 Помогать своимъ плывётъ,
 Яростно скрежещетъ
 И очами блещетъ;
 Вотъ ужъ близко, доплыла —
 И на пикахъ замерла.
 Какъ въ аду, Скутари
 Мечется въ пожарѣ;
 По базарамъ кровь течетъ
 И въ Босфоръ широкій льетъ;
 А въ дыму казàки
 Вьются, точно птахи,
 Добываючи добро;
 Жемчуги и серебро
 Шапками таскають,
 Въ лодки насыпають;
 Трубки въ полымѣ зажгли,
 Къ байдакамъ своимъ пошли;
 По волнѣ кровавой
 Поплыли со славой.
 По волнамъ они плывутъ,
 Сами пѣсенки поютъ:

«Атаманъ нашъ Гамалѣя,
 Атаманъ завзятый!
 Знають Турки Гамалѣю,
 Знають супостаты!

Какъ поѣхалъ Гамалѣя
 По морю гуляти,
 По синю морю гуляти,
 Братьевъ выручати.
 Какъ пріѣхалъ онъ въ Скутари,
 Гдѣ свои бѣдуютъ,
 Дожидаясь лютой казни,
 Плачутъ и горюютъ.
 Крикнулъ-гаркнулъ Гамалѣя:
 «Братья, биться будемъ!
 Будемъ жить да пить горѣлку,
 Горе позабудемъ!
 Будемъ бить поганыхъ Турокъ,
 Воевать съ Ордою;
 Курени же крыть атласомъ,
 Золотой парчею!»

Выѣзжали запорожцы
 Въ поле жито жати;
 Жито сжали, въ копны склали,
 Пѣсни зачинали:
 «Честь и слава, Гамалѣя,
 Атаманъ нашъ смѣлый,
 Честь тебѣ на всю Украину
 И на весь свѣтъ бѣлый,
 Что казаковъ, нашихъ братьевъ,
 Не хотѣлъ покинуть,
 Что ты нѣ даль на чужбинѣ
 Имъ въ неволѣ сгинуть!»

Такъ плывутъ, забывши горе,
Казакѣ чрезъ сине море.
Гамалѣя свой народъ
Какъ орель орлятъ блюдетъ.
Страшно гнаться супостату:
Онъ боится за Галату,
Чтобы снова молодецъ
Не спалилъ ее Чернецъ;
А не то Иванъ Подкова
Ихъ не вызвалъ въ море снова.
Гамалѣй домой летитъ.
Солнце волны золотитъ
Заходящими лучами,
А подъ нашими ладьями
Море Черное шумитъ....

Н. Бергъ.

ПЛАТОКЪ.

Аль была ужь Божья воля,
Аль ея дѣвичья доля,
Что въ чужой семьѣ вскормилась,
Съ сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Безталанной смотритъ въ очи
И воркуетъ у сосѣдки
Съ ней съ утра до поздней ночи.
Говорили - ворковали,
Госпожинокъ поджидали.
Дождался

Въ Чигиринѣ

Всю Украйну созвонили,
Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
Сабли острыя точили,
На веселый пиръ собирались

На казацкое веселье —
На кровавое похмѣлье.

Въ воскресенье, рѣннымъ-рано,
Сурмы-трубы заиграли,
Съ красной зорькой компанейцы
Въ путь-дорогу выступали.
Провожала мать-вдовица
Своего роднаго сына,
И сестра роднаго брата,
Сиротину сиротинка
Провожала: вороному
Налила воды студеной,
И сняла съ стѣны винтовку
Вмѣстѣ съ саблей золоченой.
Провожала за три поля,
Попрощалась при долинь
И дала дружку платочекъ,
Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.

Охъ, платокъ ты мой, платочекъ,
Шитый шелкомъ по узору!
На сѣдлѣ тебѣ казачьемъ
Красоваться только впору!

А она-то, сиротинка,
Опознала грусть-тревогу:

Что ни свѣтъ-заря, выходитъ
 Каждымъ утромъ на дорогу,
 А въ воскресный день съ кургана
 Смотритъ. . . . Очи помутились. . . .

Черезъ двѣ года на третій
 Компанейцы воротились.
 Рать гремитъ, гремитъ другая,
 А за третьей ратью тихо
 (Не гляди туда, голубка!)
 Не добро везуть, а лихо:
 Гробъ везуть, китайкой крытый,
 И со двухъ сторонъ у гроба
 Самъ полковникъ съ старшиною
 Въ черныхъ свѣткахъ идутъ оба,
 Самъ полковникъ компанейскій,
 Характерникъ съ Сѣчи — значитъ;
 Слѣдомъ — паны эсаулы. . . .
 Кто идетъ за гробомъ — плачетъ. . . .
 И несутъ они доспѣхи:
 Брѣню крѣпкую, литую,
 Всю въ рубцахъ, въ разсѣчкахъ вражьихъ,
 Да и саблю золотую,
 А за саблей три винтовки,
 Да еще три самопала;
 И по всѣмъ по нимъ казачья
 Кровь горячая бѣжала.
 Охъ! ведутъ и воронова:
 Поразбиты всѣ копыты;

И платкомъ шелковымъ, шитымъ,
У него сѣдло покрыто.

Л. Мей.

БАТЕРИНА

ПОВѢСТЬ

КАТЕРИНА.

I.

Чернобровыя, любитесь,
Да не съ москалями *):
Москалі — чужіе люди,
Помыкаютьъ вами.
Вѣдь москаль шутя полюбитьъ,
И шутя покинетъ:
Онъ въ Москòвщину вернется,
А бѣдняжка сгинетъ. . . .
Пусть одна-бѣ. . . . еще не горе!
Пусть. . . . а то могила
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Чтò на свѣтъ родила.

*) Въ Украинѣ москалемъ называютъ каждога Великороссіянина (Московца), и въ особенности военнаго, солдата, въ отличіе отъ казака. Даже Украинецъ, сдѣлавшійся солдатомъ, есть уже москаль, по пословицѣ: *Якъ надієвъ московську сумку, то взяєвъ и московську думку.*

Сердце вянетъ, распѣвая,
 Какъ причину знаетъ;
 Люди сердца не разспросятъ —
 Прямо осуждаютъ.
 Чернобровыя, любитесь,
 Да не съ москалями:
 Москалѣ — чужіе люди,
 Помыкаютъ вами.

Не послушалась родимыхъ
 Сердце-Катерина:
 Полюбила, какъ умѣла,
 Москалѣ дѣвчина.
 Полюбила молодаго,
 Въ садъ къ нему ходила,
 Въ садъ, пока себя и долю
 Тамъ не загубила.
 Кличетъ мать ее *вечерять* —
 Не докличетъ дочку;
 Гдѣ съ москаликомъ гуляетъ,
 Тамъ проспить и ночку.
 Не двѣ noci кари очи
 Катря цаловала. . . .
 А межъ тѣмъ дурная слава
 На деревнѣ стала.
 Пусть позорятъ злые люди, —
 Чтò ей въ томъ позорѣ?
 Полюбила — не слыхала,
 Какъ подкралось горе.

Пронеслись дурныя вѣсти —
 Въ трубы затрубили.
 На войну москаль поѣхалъ;
 Дѣвицу *покрыли* *).
 Не печалить Катерину,
 Что коса покрыта:
 Любы слезы, словно пѣсни,
 Если не забыта.
 Обѣщался чернобровый,
 Если цѣль вернется,
 Обѣщался къ ней пріѣхать.
 То-то заживется:
 Будетъ дѣвица московкой,
 Горе позабудетъ;
 А пока — пусть осуждаютъ,
 Пусть смѣются люди.
 Не тоскуетъ Катерина —
 Слезы утираетъ,
 Что ее съ собой подружки
 Пѣть не зазываютъ.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Хоть и плачутъ очи —
 Съ коромысломъ за водою
 Выйдетъ о-поль-ночи,
 Чтобъ враги не увидали;
 Подойдетъ къ *криницѣ* **),

*) Въ Украйнѣ дѣвушка, уличенная въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ не покрытой головою; её *покрываютъ* насильно, то есть повязываютъ голову, какъ замужней. Такую дѣвушку называютъ *покрытою*.

***) Криница — ключъ, превращенный въ водоёмъ.

Станетъ возлѣ подь калиной,
 Запоетъ про «Гриця» *).
 И калина плачетъ — столько
 Въ пѣсни той печали.
 Воротилася — и рада,
 Что не повстрѣчали.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Тяжкихъ думъ не знаетъ —
 У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
 Друга поджидаетъ.
 Поджидала Катерина
 Цѣлые полгода;
 Защемило возлѣ сердца —
 Подошла невзгода.
 Расхворалась Катерина,
 Еле-еле дышетъ. . . .
 Вотъ оправилась — и въ люлькѣ
 Мальчика колышетъ.
 А сосѣдки-щебетухи
 Матери толкуютъ,
 Что моска̀лики приходятъ,
 Да у ней ночуютъ:
 «У тебя не одиночка
 «Молодая дочка,
 «А качаетъ въ колыбели
 «Моска̀ля-сыночка.
 «Черноброваго сыскала. . . .
 «Вмѣстѣ, знать, грѣшили. . . .»

*) Извѣстная украинская пѣсня.

Чтобъ васъ, вѣдъмы-щебетухи,
Злыдни задавили!

.....
.....

Катерина, разразилось
Горе надъ тобою!
Гдѣ ты въ свѣтѣ пріютишься
Съ малымъ сиротою?
Кто разспроситъ, приголубитъ
Въ свѣтѣ безъ милѡва?
Мать, отецъ — чужіе люди:
Тяжко это слово!

Вотъ оправилась Катруся, —
Подойдетъ къ окошку,
И все няньчится съ ребенкомъ,
Смотритъ на дорожку.
Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милѡго....
Можетъ, и не будетъ?
Въ садъ поплакать бы сходила,
Да увидятъ люди.
Ночь настанетъ — Катерина
Пò саду гуляетъ,
На рукахъ качаетъ сына,
Горе повѣряетъ:
«Здѣсь, бывало, поджидала,
«Въ очи паловала,

«А вонъ тамъ... сыночекъ милый!...»

И не досказала.

Зацвѣли въ саду черешни,

Зацвѣли и вишни;

Какъ и прежде выходила,

Катерина вышла.

Вышла, только не поѣтся

Бѣдной, какъ бывало,

Какъ въ саду вишневомъ ночью

Друга поджидала.

Не поѣтся чернобровой,

Проклинаетъ долю.

А межъ тѣмъ враги-злодѣи

Тѣшутъ свою волю,

Распускаютъ злыя рѣчи:

Бѣдной не оставятъ!...

Если бѣ милый — онъ съумѣлъ бы

Ихъ молчать заставить....

Но далеко чернобровый, —

Сердцемъ не почуветъ,

Какъ враги надъ ней смѣются,

Какъ она горюетъ.

Можетъ быть, онъ за Дунаемъ,

Подъ сырой землею;

Аль въ Москòвщинѣ слюбился

Съ дѣвицей иною.

Не убитъ онъ, воротился

Свѣжій и здоровый....

Гдѣ-жь найдетъ такія очи
И такія брови?
Нѣтъ въ Москòвщинѣ (пройди хоть
Всю ее до моря),
Нѣтъ такой, какъ Катерина;
А живетъ на горе! . . .
Мать съумѣла дать ей брови
И глаза на диво,
Не съумѣла только сдѣлать
Дѣвицу счастливой.
А краса безъ доли, счастья,
Что цвѣточекъ въ полѣ:
Сушитъ солнце, треплетъ вѣтеръ,
Каждый рветъ по волѣ.
Умывайся же слезами,
Да молися Богу:
Эхъ! москалики вернулись,
Да не той дорогой.

II.

За столомъ сидитъ родимый,
На руки склонился;
На свѣтъ Божій не посмотритъ:
Сердцемъ истомился.

Рядомъ съ нимъ сидитъ старуха
Мать, въ тоскѣ-кручинѣ,
За слезами еле-слышно

Говоритъ дѣвчинѣ:

«Что же свадьба, Катерина?

«Гдѣ же твоя пара?

«Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,

«Старосты, бояра?

«Знать въ Москòвщинѣ!... Иди же

«Къ нимъ, когда посмѣешь,

«Да не сказывай дорогой,

«Что ты мать имѣешь.

«Видно въ день и часъ проклятый

«Я тебя родила!

«Если бъ знала, до восхода-бъ

«Солнца утопила:

«Пусть бы гадина сглодала,

«Не москаль поганый....

«Ахъ, ты дочка моя, дочка!

«Цвѣтикъ мой румяный!

«Точно ягодку, какъ пташку
 «Нѣжила, растила —
 «На бѣду, знать. . . . Такъ-то, дочка,
 «Мнѣ ты отплатила!
 «Ты въ Москòвщинѣ, Катруся,
 «Поищи свекрухи,
 «Если слушать не хотѣла
 «Матери-старухи.
 «Поищи ее — отыщешь —
 «Крѣпко приласкайся;
 «Будь счастлива межъ чужими,
 «Къ намъ не возвращайся!
 «Никогда не возвращайся
 «Изъ чужаго края! . . .
 «Кто-то мнѣ глаза закроетъ,
 «Безъ тебя, родная?
 «Кто заплачетъ надо мною,
 «Бѣдной сиротиной?
 «Кто посадить на могилѣ
 «Красную калину?
 «Кто помянетъ? — кто молиться
 «Будетъ надо мною?
 «Охъ, ты дочка моя, дочка!
 «Дитяtko родное!
 «Ну, иди-жь! . . .»

Благословила:

«Богъ съ тобой, родная!»

И на лавку повалилась,

Будто неживая.

И сказалъ отецъ родимый:

— Что жь нейдешь, дѣвчина? —

Зарыдала и упала

Въ ноги Катерина.

«Ты прости меня, родимый,

«Въ чемъ я согрѣшила!

«Ты прости меня, голубчикъ,

«Мой соколикъ милый!»

— Пусть Господь тебѣ прощаетъ,

Да честные люди.

Помолись — и въ путь дорогу:

Легче сердцу будетъ. —

Еле встала, поклонилась,

Вышла со слезами;

А старикъ съ своей старухой

Стали сиротами.

Вышла въ садикъ, помолилась,

Горсть земли набрала,

И на крестъ ее въ мѣшочкѣ

Крѣпко навязала.

«Не вернусь!» проговорила:

«Далеко умру я,

«И чужіе закопають

«Въ землю мнѣ чужую;

«А своя — щепотка эта —

«Надо мною ляжетъ,

«Да про долю, да про горе

«Добрымъ людямъ скажетъ....

«Не рассказывай, голубка,
 «Гдѣ бѣ ни схоронили,
 «Чтобы грѣшной въ этомъ свѣтѣ
 «Люди не бранили.
 «Ты не скажешь.... вотъ кто скажетъ,
 «Кто его родная!
 «Боже мой! куда я спрячусь,
 «Убѣгу куда я?
 «Я сама, дитя родное,
 «Спрячусь подъ водою, —
 «Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
 «Въ людяхъ сиротою,
 «Безъ отца!...»

Пошла деревней,
 Плачетъ Катерина;
 Подвязалася платочкомъ
 Да качаетъ сына.
 Вышла въ поле — оглянулась
 (Жаль родимыхъ стало),
 Покачала головою
 Да и зарыдала.
 Стала въ полѣ при дорогѣ,
 Словно тѣ березы;
 Какъ роса передъ зарёю,
 Полился слёзы.
 Изъ-за слёзъ изъ-за горючихъ
 Бѣла-дня не чуетъ,
 Только сына обнимаетъ,
 Плачетъ да цалуетъ.

А ребенокъ, точно ангель,
 Ничего не знаетъ,
 Къ груди крохотной ручонкой
 Тянется, хватаетъ.
 Солнце сѣло за дубровой,
 Зорька догораетъ.
 Утерлась; пошла дорогой. . . .
 Вотъ ужъ чуть мелькаетъ.
 По селу еще сосѣдки
 Долго толковали,
 Да тѣхъ толковъ мать-старуха
 Съ старымъ не слыхали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
 Люди поступаютъ!
 Того вяжутъ, того рѣжутъ,
 Тотъ себя терзаетъ.
 А за что? Господь ихъ знаетъ.
 Свѣтъ, кажись, широкой,
 А въ немъ мѣста не отыщеть
 Странникъ одинокой.
 Одному отмѣрить доля
 Съ краю и до краю,
 А другому лишь оставить
 Тò, гдѣ закопаютъ.
 Гдѣ жъ тѣ люди, гдѣ жъ тѣ братья,
 Съ кѣмъ мы такъ желали
 Жить, кого любить собирались?
 Сгинули! пропали!

Есть на свѣтѣ доля, —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля, —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сіяють,
Кажется, чего бы —
Долюшки не знаютъ, —

Ни доли, ни воли!
Кафтанъ надѣваютъ
Съ кручиной, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Мнѣ-же — дайте слезы
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце взыграетъ
Касаткою вольной.

III.

Стонуть совы, спитъ дуброва;
Звѣздочки сіяютъ;
По окраинамъ дороги
Суслики играютъ.
Люди добрые уснули:
Каждаго стомило
Или счастье, или слезы, —
Ночка все покрыла.
Всѣхъ покрыла, словно дѣтокъ
Мать, когда уснули....
Гдѣ-жь уснула Катерина:
Въ хатѣ-ли, въ лѣсу-ли?
Аль на полѣ подъ копною
Сына забавляетъ?
Аль въ лѣсу изъ-подъ колоды
Волка выжидаетъ?
Пропадайте, черны брови!
Лучше не родиться,
Чѣмъ за васъ такой бѣдою
Въ жизни поплатиться.
Что же дальше повстрѣчаетъ?
Будетъ горе, будетъ!
Встрѣтятъ — зной, песокъ сыпучій
И чужіе люди;
Встрѣтитъ стужа.... Но желанный
Встрѣтитъ ли — не знаетъ, —

Тотъ, что Катрю приголубитъ,
 Сына приласкаетъ?
 Съ нимъ бы дѣвица забыла
 Зной, пески, кручину:
 Онъ, какъ мать, какъ братъ, привѣтомъ
 Встрѣтитъ Катерину....

Все увидимъ, все услышимъ!...

А пока немного
 Отдохну, да въ Московщину
 Разспрошу дорогу.
 Дальній путь! Дорогу эту
 Знаю, братцы, знаю!
 Даже сердце замираетъ,
 Какъ припоминаю.
 Вымѣрялъ и я когда-то —
 Чтобъ ее не мѣрять!...
 Разскажалъ бы я про горе,
 Только не повѣрять!
 Скажутъ: «вретъ онъ!» да и станутъ
 За глаза порочить:
 «Ишь — рассказываетъ сказки
 «Да людей морочитъ.»
 Правда, братцы, ваша правда!
 Для чего предъ вами
 Стану горе да кручину
 Выливать слезами?
 Знать печали да заботы
 Каждому не диво....

Ну ихъ къ бѣсу! . . . Лучше дайте
 Трубку да огниво,
 Чтобы, знаете, родные
 Дома не крушились.
 Что̀ рассказывать про бѣды! —
 Развѣ, чтобъ приснились!
 Ну ихъ къ бѣсу! . . . лучше взглянемъ,
 Что-то, той порою,
 Сталось съ нашей Катериной,
 Съ малымъ сиротою.

Возлѣ Кіева, дорогой,
 Идутъ темнымъ боромъ
 Чумаки, родную пѣсню
 Напѣвая хоромъ.
 Имъ на встрѣчу молодица. . . .
 Видно, съ богомолья.
 Что-жь глаза у ней припухли?
 Али отъ бездоля?
 Свитка ветхая въ заплатяхъ;
 Въ лаптяхъ да съ клюкою;
 На рукахъ ея ребенокъ,
 Торба за спиною.
 Повстрѣчалась съ чумаками,
 Мальчика прикрыла:
 «Гдѣ пройти тутъ въ Московщину?»
 Ихъ она спросила.
 — Въ Московщину? прямо, прямо.
 А куда дорога? —

«Подъ Москву иду. Подайте
«Бѣдной, ради Бога!»

Дали грошъ ей. . . . задрожала:

Тяжко братъ ей, тяжко! . . .

И зачѣмъ бы? . . . А ребенокъ?

Жаль его, бѣдняжки!

Зарыдала, поплелася;

Въ Броворахъ немного

Отдохнула, да купила

Пряникъ на дорогу.

Долго, долго горемыка

Шла, да всё пытала. . . .

А случилось — подъ заборомъ

Съ сыномъ ночевала.

Видите ль, на что ей очи пригодились:

Чтобъ изъ нихъ рѣкою слезы лились, лились!

Слушайте и кайтесь, красныя дѣвицы,

Чтобъ не довелось плакать и томиться,

Чтобъ не довелось, какъ моей дѣвчинѣ,

Вамъ искать милѡго въ дальней Московщинѣ. . . .

Тогда не пытайте, за что осуждаютъ,

За что ночевать васъ въ избу не пускаютъ!

Не пытайте, чернобровки, —

Люди вѣдь не знаютъ. . . .

Тѣхъ, кого Господь караетъ,

И они караютъ....

Люди гнутся, точно лозы,

Вѣтеръ чуть повѣетъ.

Солнце свѣтитъ сиротинѣ

(Свѣтитъ, да не грѣетъ) —

Люди бѣ солнце заступили,

Если бѣ можно было,

Чтобы сыримъ не свѣтило,

Слезы не сушило.

А за что? — за что не знаетъ

Бѣдная отрады?

Что имъ сдѣлала Катруся?

Что имъ, людямъ, надо?

Чтобы плакала!... Не плачь же,

Сердце-Катерина!

Не показывай имъ слёзы,

Потерпи, дѣвчина!

А чтобъ личико не блѣкло

Съ черными бровями, —

До зари, въ лѣсу дремучемъ,

Вымойся слезами.

Какъ умоешься — не взглянуть,

Да и не осудятъ;

А пока струятся слезы,

Сердцу легче будетъ.

.....

.....

Гдѣ-жь Катруся бродить?
Подъ заборомъ ночевала,
На зарѣ вставала,
Поспѣшала въ Московщину....
Глядь — зима настала.
Свищетъ въ полѣ заверюха, —
А она, въ убогой
Свиткѣ и лаптѣхъ, плетется
Снѣжною дорогой.
Чуть ступаетъ; вдругъ мелькнуло....
Глянула, блѣднѣетъ:
Москалѣ идутъ дорогой....
Горе!.... сердце млѣетъ....
Повстрѣчала.... «Не слыхали ль»,
Говорить, «случаемъ,
«Гдѣ Иванъ мой чернобровый? ...»
Тѣ ей: — знать не знаемъ! —
И, какъ водится, солдаты
Шутятъ да смѣются:
— Ай да баба! ай да наши!
Всюду доберутся! —
Посмотрѣла Катерина:
«Видно всюду люди!
«Ты не плачь, мой горемычный!
«Будетъ пусть, что́ будетъ!

«Побреду — ходила больше....

«Можетъ и найду я;

«Передамъ тебя, голубчикъ,

«А сама умру я.»

Воетъ вьюга, стонетъ вьюга,

По полю гуляетъ;

Катерина середь поля

Слезы проливаетъ.

Уходилась заверюха, —

Еле повѣвала;

Все бы плакала Катруся,

Только слезъ не стало.

Посмотрѣла на ребенка:

Политый слезою,

Рдѣетъ крошка, какъ цвѣточекъ

Утромъ подъ росою.

Усмѣхнулась Катерина,

Горько усмѣхнулась:

Возлѣ сердца лютымъ змѣемъ

Горе шевельнулось.

Осмотрѣлась Катерина,

Видитъ — лѣсъ чернѣетъ,

А подъ лѣсомъ, у дороги,

Огонекъ свѣтлѣетъ.

«Ну пойдёмъ же, если пустятъ

«Въ хату насъ съ тобою;

«А не пустятъ — заночуемъ

«Въ полѣ подъ межою;

«Подъ избою заночуемъ,

«Бѣдный мой Иване!

«Гдѣ то будешь ночевать ты,

«Какъ меня не станеть?

«Ты съ собаками дружися, —

«Право лучше будетъ!

«Если злые — покусаятъ,

«Все же не осудятъ....

«Съ ними ѣсть и пить придется

«Моему Ивану....

«Охъ ты, доля моя, доля!

«Что я дѣлать стану?»»

.....
.....
.....
.....
.....
.....

IV.

Воетъ, свищетъ заверюха.

 По лѣсу завыло;

Словно море, бѣлымъ снѣгомъ

 Поле заходило.

Изъ избы лѣсничій вышелъ,

 Чтобъ пройти дозоромъ, —

Такъ куда ты! зги не видно:

 Такъ и свищетъ боромъ.

«Эге-гè, какая вьюга!

 «Провались ты съ лѣсомъ!

«Ворочусь.... Что тамъ такое?

 «Словно.... Ишь ихъ къ бѣсамъ!

«Вѣдь несетъ же вражья сила,

 «Будто и за дѣломъ.

«Какъ ихъ снѣгомъ-то.... Никифоръ,

 «Глядь-ка, — точно въ бѣломъ.»

— Москалè! да гдѣ?... да гдѣ же? —

 «Что ты? что съ тобою?»

— Гдѣ москалики, мой лебедь? —

 «Вонъ идутъ межою.»

Не одѣлась — побѣжала
Лѣсомъ Катерина.

«Видно крѣпко насолила
«Бѣдной Московщина!»

«По ночамъ — одно и знаетъ —
«Москаля все кличетъ.»

Черезъ пни бѣжить, по снѣгу;
Еле-еле дышетъ.

Добѣжала. . . . утираетъ
Слезы рукавами.

Ей на встрѣчу выѣзжаютъ
Москаля рядами.

«Охъ, ты доля моя, доля!»

Къ нимъ. . . . глядитъ — узнала:
Впереди всѣхъ ѣдетъ старшій.

«Милый!» закричала:

«Мой Иванъ, мой ненаглядный!

«Что жъ ты не вернулся?»

И къ нему. . . . хватаетъ стремя. . . .

Старшій оглянулся —

И въ бока коня толкаетъ.

«Что жъ ты уѣзжаешь?

«Аль забылъ свою Катрусю?

«Аль не распознаешь?

«Погляди: я Катерина,

«Я твоя, мой милый.

«Что жъ ты стремя вырываешь

«У меня постылой?»

А онъ будто и не видитъ —

Все коня торопитъ.

«Посмотри — ужь я не плачу!»

Катерина вопить:

«Не узналъ меня, мой милый?

«Сердце, приглядиися,

«Я, ей-богу, Катерина!»

— Дура, отвяжися!

Прочь безумную! возьмите! —

«Боже! отказался! . . .

«Такъ меня ты покидаешь?

«А не ты ли клялся? . . .»

— Да возьмите жь! Что стоите? —

«Какъ? ты прогоняешь?

«Да за что жь, скажи, мой голубь?

«На кого оставишь

«Катерину, что о полночь

«Въ садъ къ тебѣ ходила,

«Что тебѣ малютку-сына

«На свѣтъ породила?

«Братъ родной! отецъ родимый!

«Ты хоть не чуждайся!

«Я твоей батрачкой буду. . . .

«Ты съ другой спознайся,

«Съ цѣлымъ свѣтомъ. . . . я забуду,

«Что когда-то жили. . . .

«Отъ тебя имѣла сына,

«Что меня *покрыли*. . . .

«Стыдъ-то, стыдъ-то! . . . И за что мнѣ

«Гибнуть безталанной?

«Ты покинь меня, но сына

«Не кидай, желанный!

«Не покинешь? . . . Не бѣги же

«Отъ меня, мой милый! —

«Принесу тебѣ я сына.»

Стремя опустила —

И въ избушку. Воротилась,

Обнимаетъ сына.

Неповитый, неодѣтый,

Плачетъ сиротина.

«Посмотри — вонъ онъ, голубчикъ!

«Гдѣ-жь ты? схоронился?

«Нѣтъ! ушолъ онъ. . . . сына, сына

«Бросилъ — отступился!

«Боже мой! . . . куда я дѣнусь,

«Дитяtko, съ тобою?

«Ой, москàлики! возьмите

«Бѣднаго съ собою;

«Не гнушайтесь имъ — онъ бѣдный

«Круглый сиротина;

«Вы возьмите — и отдайте

«Старшему за сына.

«Не возьмете — такъ покину,

«Какъ отецъ покинулъ, —

«Чтобъ его не покидала

«Горькая судьбина!

«Мать грѣхомъ тебя, болѣзнь,

«Нà свѣтъ породила;

«Выростай же нà смѣхъ людямъ!»

На земь положила.

«Поищи отца по свѣту,

«Я уже искала.»

И съ дороги, какъ шальная,
 Въ лѣсъ — и убѣжала.
 Плачетъ мальчикъ... москалѣ же,
 Что имъ! — миновали...
 Что жь, и лучше! да на горе
 Люди услыхали.

Катря бѣгаетъ по лѣсу,
 Бѣгаетъ, рыдаетъ —
 То клянеть его, то просить,
 Просить, призываетъ.
 Выбѣгаетъ на поляну;
 Глянула, спустилась
 Въ темный яръ — и возлѣ пруда
 Мигомъ очутилась.
 «Упокой Господь мнѣ душу,
 «Вы-жь — примите тѣло,
 «Воды темныя!...» и въ прорубь...
 Только зашумѣло
 Подо льдомъ.

Нашла бѣдняжка
 Катря, что искала.
 Дунулъ вѣтеръ по-надъ-прудомъ —
 И слѣда не стало.

То не вѣтеръ, то не буйный,
 Что дубы ломаетъ;

То не горе, что родная
Рано умираетъ;
Та семья не стала сирой,
Что похоронила
Мать свою: у ней остались
Имя и могила.
Насмѣются злые люди —
Сироту осудятъ;
Выльетъ слезы на могилу —
Горе позабудетъ.
А тому, тому на свѣтѣ,
Что̀ тому осталось,
Кто отца въ глаза не видѣлъ,
Мать же — отказалась?
Что безродному осталось?
Люди злы и строги!
Ни родни, ни теплой хаты;
Трудъ, пески, дороги....
Бѣло личико, да брови....
Что въ нихъ? Чтобъ узнали!
Точно писанный, а что въ томъ?....
Лучше бь полиняли!

V.

Шель кобзàрь въ престольный Кіевъ,
Шель — и сѣль дорогой.

Съ нимъ вожакъ. Онъ весь обвѣшенъ
Сумками, убогой.

Мальчуганъ на солнцѣ дремлетъ,
Дремлетъ, засыпаетъ;

А кобзàрь межъ тѣмъ «Ісуса»
Тихо напѣваетъ.

Подають, кто грошъ, кто бубликъ;
Всякъ идетъ — не мінетъ:

Кто сѣдому, а дѣвчина
Мальчугану кинетъ.

«И босой-то онъ и голый»,
Думаетъ дѣвчина:

«Красоту дала, да счастья
«Не дала судьбина!»

Экипажъ, дорогой въ Кіевъ,
Кàтитъ шестернёю;

Въ экипажѣ ѣдетъ пани
Съ паномъ и семьёю.

Кàтитъ — вдругъ остановился;
Взвились клубы пыли.
Побѣжалъ Ивась: въ окошко
Крошку поманили.
Бросивъ денегъ, мальчуганомъ
Пани занялся.
Глянулъ панъ — и отвернулся. . . .
Онъ узналъ Ивася,
Онъ узналъ и черны брови
И сокольи очи. . . .
Онъ узналъ въ малюткѣ сына,
Да признать не хочетъ.
«Какъ зовутъ тебя?» — Ивасемъ. —
«Какъ онъ милъ!» сказала. . . .
Кони тронули — бѣдняжку
Пылью заметало. . . .
Сосчитали, что имъ дали,
Помолились Богу,
Помолились и пустились
Снова въ путь-дорогу.

Н. Гербель.

БАТРАЧКА

ПОВѢСТЬ

БАТРАЧКА.

ПРОЛОГЪ.

Въ воскресенье, раннимъ раномъ,
Поле крылося туманомъ;
Подъ туманомъ, на могилѣ,
Словно тополь наклонили,
Молодица молодая,
Что-то къ груди прижимая,
Говорить:

«Туманъ, туманъ,
«Горемычный мой таланъ!
«Что меня ты здѣсь на полѣ
«Не схоронишь, не задавишь,
«Въ мать-сырѹ-землю не вдавишь?
«Что мнѣ, вмѣстѣ съ злой недолей,
«Вѣку не убавишь?
«Нѣтъ, туманъ мой, не дави,
«А зарой меня на полѣ,

«Чтобъ никто не зналъ, не вѣдалъ

«Злой моей недоли! . . .

«Не одна я: у меня

«Есть и батька и родня. . . .

«Есть еще, туманъ дружочекъ,

«Некрещённый мой сыночекъ. . . .

«Не крестить, на горе злое,

«Мнѣ тебя, дитя родное,

«А чужимъ. . . . Мнѣ не узнать,

«Какъ тебя, дитя, и звать. . . .

«Ахъ! и я была когда-то

«И счастлива и богата!

«Не кляни меня постылой!

«Съ неба самаго, мой милый,

«Долю выплачу слезами

«И пошлю тебѣ съ мольбами!»

И, рыдая, полемъ кралась,

Подъ туманомъ укрывалась,

Да сквозь слёзы про вдову

Тихо напѣвала,

Какъ въ Дунай дѣтей вдова

Хоронила-клала:

«Ой на полѣ могила;

По ней вдова ходила,

По ней она гуляла

Да зельица искала;

Только зелья не нашла —
Сыновей двухъ привела,
И въ китайку повилà,
И къ Дунаю отнесла:

«Тихій, тихій Дунай,
«Мнѣ сынковъ забавляй!
«Ты, мой желтый песокъ,
«Будь для нихъ ты легòкъ!
«Накорми, успокой
«И собою укрой!»

Жиль-быль себѣ старикъ съ старушкой.
Они съ издавна надъ прудомъ
Живуть на хуторѣ вдвоёмъ,
Не разлучаяся другъ съ дружкой.
Дѣтьми овецъ пасли вдвоемъ,
А послѣ повѣнчались,
И своего добра дождались:
Нажили хуторъ надъ прудомъ;
Въ лѣсу садочекъ развели,
И пчельникъ обрядили, —
Всего нажили;
Да Богъ обидѣлъ ихъ дѣтьми,
А смерть съ косою за плечьми.

Кто жь ихъ старость приголубить?
Вмѣсто дѣтокъ станеть?
Кто заплачетъ, кто облюбить?
Душу кто помянетъ?
Кто добро схоронить честно,
Въ холѣ, да въ покоѣ,

Кто' сберечь его съумѣетъ,
Какъ дитя родное?
Тяжко, горько нянчить дѣтокъ
Въ непокрытой хатѣ,
А еще тяжелѣ старость
Въ каменной палатѣ, —
Старость, смерть, тоска-злодѣйка,
Сирость и кручина
И залѣжная копейка
На смѣхъ чужанина.

II.

Старикъ съ старухой, въ воскресенье,
Сидятъ на прѣсышкѣ вдвоемъ,
Въ сорочкахъ бѣленькихъ чистенько. . . .
А солнце въ небѣ голубомъ
Прогнало тучки: тихо-тихо
И ясно, словно-бы въ раю,
И схоронилось въ сердцѣ горе,
Какъ звѣрь въ потёмномъ борѣ.

Вотъ и рай. . . . О чемъ, кажися,
Старымъ-бы взгрустнулось?
Али къ нимъ былое горе
Въ хату наверху?
Аль вчерашнее, что только
Придавили, живо?
Аль наклюнулась кручина
Новая на диво?

Не знаю я, какъ и почтѣ
Взгрустнулось старымъ? Можетъ, то,

Что собрались они ужъ къ Богу,
 Да кто жь въ далекую дорогу
 Имъ добрыхъ кòней запряжетъ?

«А кто насъ, Настя, похоронить,
 «Когда помремъ?»

— Да Богъ вѣсть — кто.
 Я — вотъ все про то смекала —
 Даже грусть-тоска напала:
 Одиноки постарѣли, —
 А кому добра хотѣли
 И нажили? —

«Дай пелёнокъ. . . .»

«Чу! въ воротахъ плачетъ
 «Ктò-то. . . . Словно-бы ребенокъ?
 «Побѣжимъ-ка! . . . Значить —
 «Угадалъ я: будетъ что-то!»

Оба съ мѣста разомъ,
 Къ воротамъ — и отступили:
 Передъ перелазомъ —
 Запелёнанный младенецъ,
 И не туго. . . . новой
 Свиткой крытъ, за одѣяло:
 Видно — материно сердце
 Крыло-пеленало,
 Вмѣсто бѣлыхъ рукъ, младенца, —
 Можетъ быть, послѣдней

Свиткой. . . . Старые дивились,
Молча — и молились
О подкидышѣ-ребѣнкѣ,
А дитя ручѣнки
Къ нимъ тянуло, замолкая. . . .

«Видишь, Настя, видишь:
«Зналь я: доля не такая
«Намъ, чтобъ безъ ребѣнка
«Хорониться одинокимъ. . . .
«Отыщи пеленку,
«И неси дитятю въ хату,
«Ну, а тѣми я часами
«Погоню за кумовьями
«Въ Городище.»

Чудно что-то
Въ жизни между нами!
Тутъ иной изъ хаты сына
Гонить, проклинаятъ,
А иной, сердечный, свѣчку
Потомъ добываетъ
И, рыдаючи, ставитъ
Передъ образами,
Чтобъ дѣтей далъ Богъ. . . . Да; чудно
Въ жизни между нами!

III.

Вотъ на радостяхъ три пары

Кумовьёвъ набрали,

За вечерней окрестили

И Маркомъ назвâли.

Онъ растетъ; а тутъ не знаютъ,

Кâкъ и быть съ дитятей:

Гдѣ сажать, гдѣ класть, чѣмъ холить

Маленькаго въ хатѣ?

Минуль годъ. Растетъ нашъ Марко;

Дойная корова

Отъѣдается. Вдругъ, какъ-то,

Съ виду черноброва,

Молода и бѣлолица,

Входитъ молодица

Къ старикамъ въ укромный хуторъ

По найму проситься.

«Али взять ее къ намъ, Настя?»

— Что жь, Трофимъ, пожалуй:

Мы и стары, и недужны,

А ребенокъ малый....

Хоть дитя и подростаетъ,
 Все-таки, вѣдь, надо,
 Присмотрѣть за нимъ порядкомъ. —

«То-то вотъ, что надо!
 «Старость точно-что не радѡсть,
 «Какъ тамъ ни судите....
 «Что же съ насъ возьмешь, голубка,
 «Въ годъ?»

— А что дадите! —

«Нѣтъ! ты знаешь, деньги любятъ
 «Счетъ; кто не считаетъ
 «Трудовыхъ своихъ копеекъ,
 «Тотъ и обнищаетъ.
 «Такъ послушай-ка, голубка!
 «Мы тебя не знаемъ,
 «Да и ты-то насъ не знаешь....
 «Ну, а скоротаемъ
 «Вмѣстѣ день другой и третій,
 «Молвимъ и про плату.
 «Такъ-ли, дочка?»

— Ладно, батъка! —

«Ну, такъ просимъ въ хату!»

Порядились. Молодица
 Веселà и рада,

Словно съ паномъ повѣнчалась,
 Аль дождалась клада.
 Съ ўтра дò ночи хлопочеть
 На дворѣ и въ хатѣ,
 Или около скотины;
 А ужь для дитяти —
 Будто мать она родная —
 Не поспитъ и ночку,
 Каждый день головку моетъ,
 Бѣлую сорочку
 Каждый Божій день надѣнетъ,
 Пѣсней забавляетъ
 И игрушками, а въ праздникъ
 Съ рукъ вотъ не спускаетъ.
 Старики мои дивятся —
 Богъ имъ далъ подружку....
 А бессонная батрачка
 Грянется въ подушку, —
 Проклинаетъ горе-долю
 И навзрыдъ рыдаетъ,
 И никто того не видитъ,
 И никто не знаетъ,
 Кромѣ маленькаго Марка,
 Да и онъ не знаетъ —
 Отчего его слезами
 Ночью умываетъ
 Безталанная батрачка,
 Отчего такъ жарко
 И целуетъ и милуетъ?
 Да, не знаетъ Марко,

Что когда онъ въ колыбели
Еле шелохнется
Въ ночь глухую, — на постелѣ
Бѣдная проснется,
Укрываетъ, нѣжно креститъ,
Колыбель колышетъ:
Ей и сонной чутко-слышно,
Какъ ребенокъ дышетъ.
Но за то свои ручѣнки
Тянетъ къ ней онъ съ-рану,
Какъ проснется только — мамой
Величаетъ Ганну....
Такъ растетъ да вырастаетъ
Марко — и не знаетъ....

IV.

Не мало лѣтъ перебѣжало,
Воды не мало утекло;
И въ хуторъ горе завернуло,
И слезъ не мало принесло.
Старушку Настю схоронили,
И еле-еле отходили
Трофима дѣда. Да ушло
Куда-то горе проклятѣе,
И вновь на хуторъ благодать
Изъ лѣсу темнаго вернулась
У дѣда въ хатѣ ночевать.

Вотъ ужъ Марко чумакуетъ,
И подъ осень не ночуетъ
Ни подъ хатою, ни въ хатѣ. . . .
Время думать и о сватѣ.
«За кого-жь бы?» дѣдъ смекаетъ,
И батрачку призываетъ
На совѣтъ; а та-бы рада
Хоть царевну сватать: — Надо, —
Говоритъ, — спросить у Марка,
Кто и гдѣ его таварка? —

«Ладно, спросимъ — и за дѣло,
«Если время подоспѣло.»

Разузнали, допросились.

Марко — къ сватамъ. Воротились

Съ рушниками, съ освященнымъ

Короваемъ обмѣненнымъ;

И просватали же панну,

Хоть гетьману по жупану:

Просто краля дѣвка, либо

Царь-дѣвица....

«Ну, спасибо!»

Молвилъ старый: «только знать бы,

«Скоро ль намъ дождаться свадьбы,

«Гдѣ къ вѣнцу пойдетъ невѣста,

«Да и въ материно мѣсто

«Звать кого намъ? Эхъ, когда бы

«Свѣтикъ-Настя дожила бы!...»

И залился дѣдъ слезами.

А батрачка за дверями,

Въ косяки вцѣпясь руками,

Словно мертвая стояла....

«Мать.... мать.... мать!» она шептала.

V.

Въ ту жь недѣлю молодицы
Коровай мѣсили
У Трофима; а старикъ-то
Изо всей изъ силы
Съ молодицами танцуетъ,
Дворъ свой подметаеъ,
Да прохожихъ, да проѣзжихъ
На дворъ закликаеъ,
Угощаетъ варенухой
И на свадьбу просить;
Такъ и мечется, хотъ ноги
Еле-еле носятъ.
Смѣхъ и гамъ въ избѣ у дѣда;
Дворъ кишитъ народомъ,
Изъ каморки новой бочки
Выкатили съ мѣдомъ.
Всюду моется, метется,
Жарится, варится —
Все чужими. Гдѣ-жь батрачка?
Въ Кіевъ помолиться
Отпросилась Ганна. Старый
Мало ль съ ней калякалъ,

Ублажалъ ее, а Марко —
 Тотъ такъ даже плакалъ
 И въ упрòсъ-просилъ батрачку
 Въ материно мѣсто.
 «Нѣту, Марко, не годится,
 «Не по мнѣ невѣста:
 «Изъ семьи она богатой,
 «А вѣдь я-то что же? . . .
 «Надъ тобой же посмѣются. . . .
 «Помогай вамъ Боже!
 «Я пойду молиться въ Кіевъ,
 «А потомъ вернуся,
 «Если примете, къ вамъ въ хату,
 «Да и потружуся,
 «Сколько хватить силъ. . . .»

Всѣмъ сердцемъ

Поручила Богу
 Ганна Марка. Зарыдала —
 И пошла въ дорогу.

Принялись играть и свадьбу.

Музыкѣ работа
 И подковамъ. Варенухи
 Рòзлито безъ счѣта, —
 Ею столъ и лавки моютъ.
 А бѣдняжка Ганна
 Все идетъ себѣ на Кіевъ
 Спѣшно, неустанно. . . .

И дошла, да не на отдыхъ;
 У мѣщанки стала;
 Нанялась носить ей воду:
 Денегъ не достало
 Для акаѳиста, а такъ же
 Дѣтямъ для подарку....
 А скопила гривеньъ восемь —
 И купила Марку
 Камилавочку въ пещерѣ
 Старца Іоанна,
 Чтобъ головка не болѣла;
 Вымѣняла Ганна
 И кольцо святой Варвары
 Для невѣстки; Богу,
 Преподобнымъ поклонилась —
 И опять въ дорогу.

Воротилась. Катерина
 Съ Маркомъ повстрѣчали
 За ворѣтами — и въ хату,
 И за столъ сажали;
 Напоили, накормили,
 Чтò про Кіевъ знала —
 Разспросили. Катерина
 Ей постель постлала.

«Да за что жь меня такъ любятъ,
 «Столько уважають?»

«Охъ, мой Боже милосердый!

«Можетъ, вѣдь, и знаютъ. . . .

«Можетъ, вѣдь, и догадались. . . .

«Нѣтъ! . . . Я угадала:

«Просто дѣбры!»

И батрачка

Тяжко зарыдала.

VI.

Трижды мёрзло въ чистомъ полѣ,
Трижды отпускало,
Трижды къ Кіеву батрачку
Катря провожала,
Словно мать свою; въ четвертый
Провела въ дорогу
Вплоть до поля, до кургана,
И молилась Богу,
Чтобъ скорѣй она вернулась:
Безъ нея, любимой,
Сиротливо, темно въ хатѣ,
Точно безъ родимой.

Введенъе разломало ужъ леденъе;
Прошла и первая недѣля; въ воскресенъе
Погрѣтъся на завалинкѣ Трофимъ
Засѣлъ, въ сорочкѣ бѣлой, какъ и всякой
Честной христіанинъ; а передъ нимъ
Малютка-внукъ игралъ съ собакой;
А внучка въ юбку Катри облеклась,
И будто бы приходитъ въ гости къ дѣду;
И онъ заводитъ съ ней бесѣду,

И говоритъ онъ съ ней, смѣясь,
 Какъ и взаправду съ женщицей:
 «А что же ты не съ паляницей?
 «Ужь не въ лѣсу-ль кому отнять
 «Пришла охота? аль забыла?
 «Аль просто въ печку не садила?
 «Эхъ, стыдно, право стыдно, мать!»
 Анъ — глядь — негаданно, нежданно —
 Калитка скрипъ — и входитъ Анна.
 Старикъ пошолъ ее встрѣчать;
 А та: «Что, Марко все въ дорогѣ?»

— Да, въ дорогѣ по сей часъ. —

«Вотъ и я чуть доплелась
 «Къ вашей хатѣ: стары ноги.
 «Не хотѣлось одиноко
 «Гибнуть на чужбинѣ.
 «Только бѣ Марка мнѣ дожждаться...
 «Вся душа въ кручинѣ!»

И гостинцы вынимала,
 Развязавъ мѣшочекъ,
 Внучкамъ: крестики и бусы
 И шерстей моточекъ,
 И въ окладѣ изъ червонной
 Фольги образочекъ,
 А для Карпа — соловейка,
 И лошадокъ пару,

И четвертое колечко
Отъ святой Варвары
Для своей для Катри; дѣду,
На замѣнъ подарку
Принесла она три свѣчки;
А себѣ и Марку —
Ничего: не стало денегъ,
А самой хворалось,
Работать была не въ силахъ.
«Вотъ еще осталось
«Полбаранка!»

И внучатамъ
По куску досталось.

VII.

Входитъ въ хату. Катерина

Ей обмыла ноги,

И за ужинъ посадила —

Закусить съ дороги;

Да не ѣстъ, не пьетъ бѣдняга.

«Катря!» молвить Ганна:

«Скоро ль будетъ воскресенье?»

— Послѣзавтра, Ганна. —

«Отслужить акаѳистъ надо

«Вешнему Николѣ.

«И частицу тоже вынуть:

«Никогда, вѣдь, долѣй,

«Марко нашъ въ дорогѣ не былъ?...

«Что, коль онъ недуженъ?»

И слезами залилася.

Ну, какой тутъ ужинъ!

Еле-еле встала съ лавки,

Молвить: «Катерина!

«Охъ, не та теперь я стала:

«Извела кручина;

«Еле-еле носятъ ноги.

«Тяжко, Катря, тяжко

«Умирать въ чужой, знать, хатѣ!»

И слегла бѣдняжка.

Ужь ее и приобщили,

Переждавши мало,

И соборовали также:

Все не помогало.

Старый дѣдъ — тотъ по подворью,

Что убитый, бродитъ;

Катерина — та съ болящей

И очей не сводитъ;

Катерина у болящей

Днюетъ и ночуетъ.

А сычѣ въ ночи на крышѣ —

Словно сердце чуетъ —

Не къ добру кричатъ. Больная

Каждый часъ, что льдина,

Таеетъ, только все лепечетъ

Тихо: «Катерина,

«Что нашъ Марко, не вернулся?

«Охъ, когда-бъ я знала,

«Что дождуся и увижу,

«Я бы подождала!»

VIII.

Ѣдетъ Марко съ чумаками,
Пѣсни распѣваетъ,
Не спѣшитъ — воловъ дорòгой
На траву пускаетъ.
И везетъ онъ Катеринѣ
Сукнеца цвѣтного,
Батькѣ — пышно шитый поясъ
Шолку дорогого,
А батрачкѣ на очѣпокъ,
Съ золотой парчею,
Онъ везетъ платочекъ алый
Съ бѣлою коймою;
А ребятамъ — черевички,
Фигъ да винограду;
А всѣмъ вмѣстѣ — не простого
А изъ Цареграду —
Онъ везетъ вина въ боченкѣ
Съ три ведра; да съ Дону
Онъ везетъ икры. . . . Не знаетъ,
Подъѣзжая къ дому,
Что творится тамъ. Приѣхалъ —
Ну, и слава Богу!

Отворяетъ онъ ворота,
Помолился Богу.

«Аль не слышишь, Катерина?»

«Встрѣтила пошла бы!»

«Онъ пришолъ! скорѣе въ хату

«Марка привела бы!...»

«Слава Богу, что дождалась! —

«Долго поджидала!»

И, сквозь сонъ какъ-будто, тихо

Отче нашъ читала.

Старый сивыхъ выпрягаетъ,

Упряжь прибираетъ

Вырѣзную. А Катруся

Марка озираетъ.

«Гдѣ же Ганна, Катерина?»

«Мнѣ по ней взгрустнулось!...»

«Ужъ жива-ли?»

— Да жива-то,

Только прихворнулось

Крѣпко ей. Покамѣстъ батька

Сивыхъ выпрягаетъ,

Сходимъ въ хату поскорѣе:

Ганна поджидаетъ. —

Входитъ Марко съ Катрей въ хату,

Сталъ онъ у порогу:

Испугался. Ганна шепчетъ:

«Слава... слава Богу!»

«Подойди сюда, не бойся....»

«Выйди, Катерина:

«Разспросить его мнѣ надо,

«Разсказать кручину.»

Вышла Катря, а нашъ Марко

Подошелъ поближе,

Наклонился къ изголовью.

«Марко! погляди же,

«Погляди ты на старуху:

«Видишь — похудѣла?

«Я — не Ганна, не батрачка,

«Я....» И онѣмѣла.

Марко плакалъ и дивился....

Вновь глаза открылись:

Долго, пристально глядѣла —

Слезы покатались.

«Ты прости меня! Томилась

«Вѣкъ въ чужой я хатѣ

«Для тебя, сыночекъ милый,

«Для тебя, дитяти!

«Я.... я мать твоя!» И смолкла.

Вся земля вздрогнула

Подъ подкидышемъ.... Онъ къ Ганнѣ —

А ужъ та заснула....

Л. Мей.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПОЭМЫ

«ГАЙДАМАКИ»

ГАЙДАМАКИ.

ПРОЛОГЪ.

Была шляхётчина когда-то
Вельможной панею: вела
Борьбу съ Москвой, съ ордой, съ султаномъ,
Съ Нѣмецкимъ Орденомъ... Была!...
Да что на свѣтѣ не минуетъ?
Бывало, шляхта, знай, кичится,
И день и ночь себѣ гуляетъ,
Да королями помыкаетъ.
Не говорю я про Стефана,
Про Собіескаго про Яна —
Тѣ двое йзъ ряду ужь вонъ,
А про другихъ. Ну, приходилось
Бѣднягамъ молча пановать.
А сеймы, сеймики ревѣли;
Сосѣди молча дивовались,
Какъ короли бѣгутъ изъ Польши,
И какъ ревѣтъ безумно шляхта.

«*Nierozwalat! nierozwalat!*» *)

Крикнетъ, кто захочетъ, —
И магнаты палятъ хаты,
Карабèли **) точатъ.
Долго такъ велось въ Польшѣ,
Былъ урядъ таковскій —
Наконецъ засѣлъ въ Варшавѣ
Смѣлый Понятовскій.

Запановалъ и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ... и не съумѣлъ!
Хотѣлъ онъ всѣмъ добра, какъ дѣтямъ;
Чего-нибудь еще хотѣлъ:
Одно словечко — *nierozwalat*
Хотѣлъ у шляхты отобрать.
Затѣмъ... вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричатъ:
«*Słowo honòru! dârta praca!* ***)
Наемникъ гнусный Москаля!»
На крикъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ шляхётская земля,
И — разомъ сто конфедерацій!

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волыни,

*) Не позволяю, не позволяю!

**) Польская сабля съ особенной рукояткой.

***) Честное слово! Плòхо дѣло!

По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украинѣ.
Разбрелись, да и забыли;
Что за волю стали —
Повязалися съ жидами
И запировали:
Разоряли, убивали,
Церкви жгли-палили,
А тѣмъ часомъ гайдамàки
Ножі́ освятили.

ГАЛАЙДА.

На свѣтѣ жить тяжело, а хочется жить:
 И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
 И хочется слышать, какъ море играетъ,
 Какъ пташка щебечетъ, дуброва шумитъ
 И какъ чернобровка въ лѣсѣ распѣваетъ...
 О, Господи Боже, какъ весело жить!

Сиротѣ Ярѣма; жизнь его убога:
 Ни сестры, ни брата — никого-то нѣтъ;
 Прихвостень жидовскій, выросъ у порога, —
 А не прѣклялъ доли, и не прѣклялъ свѣтъ
 И людей. Да, впрочемъ, вѣдь они не знаютъ,
 Нужно ли ласкать имъ, нужно ли казнить?
 Водитъ ими доля.... Пусть же ихъ гуляютъ....
 Пусть.... Да сиротѣю тяжело въ свѣтѣ жить.
 Часомъ такъ случится: просебя рыдаешь,
 И не оттого, что сердце наболитъ, —
 Просто, что увидишь, или что узнаешь....
 И опять за дѣло. Вотъ — какъ надо жить!
 Что-туть батъка, мѣтерь, высокі палаты,

Если нѣ-сѣ-кѣмъ сердце — къ сердцу отогрѣть? . . .
 Сирота-Ярема — сирота богатый,
 Есть сѣ кѣмъ и поплакать, есть сѣ кѣмъ и поцѣть:
 Карія есть очи — что звѣзда сіяютъ,
 Бѣлыя есть руки — млѣютъ - обнимаютъ,
 Есть дѣвѣчье сердце — плачетъ и смѣется,
 Какъ Ярема знаетъ, какъ ему сдается.

Вотъ такой-то мой Ярема,
 Сирота богатый.
 Былъ и я такимъ, дѣвѣцѣ,
 Былъ. . . . да вѣдь когда-то! . . .
 Было-было, да и сплыло,
 Было — миновалось.
 Сердце ноетъ, какъ припомню. . . .
 Что-же не осталось?

Что-же не осталось? Что не погодило?
 Легче бы слезами обливаться было.
 Отобрали люди: видно, всё имъ мало.
 «Что ему за доля? Закопаемъ, стало:
 Онъ и такъ богатый. . . .»

Развѣ на заплаты
 Да на слёзы. . . . Дай Богъ ихъ не отирать!
 Доля, горе-доля! гдѣ тебя искать?
 Воротися, доля, до моей до хаты,
 Али хоть приснися. . . . да нельзя и спать!

II.

ТРЕТЬИ ПЪТУХИ.

Ещё день бѣдную Украину
Терзали Ляхи, и одинъ,
Ещё одинъ хранили тайну
Украина вся и Чигиринъ.
Прошелъ и онъ — день Маковея,
Великій праздникъ. Онъ прошелъ —
И Ляхъ съ жидами, не жалѣя,
Горѣлку кровію развелъ.
Клялі Украину, распинали,
Затѣмъ, что нечего ужъ взять.
А гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Они легли — и не гадали,
Что завтра имъ ужъ не вставать.
Заснули Ляхи, а Іуду
Вѣдь не уложишь: онъ гроші
Въ потьмахъ считаетъ — барыши
Не бѣли-бѣ видны дѣбру люду.
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали.

Дремлютъ.... дай-Богъ, еслибъ на-вѣкъ задремали!
 А тѣмъ часомъ мѣсяць выплылъ посіять,
 Поглядѣть на небо, на землю, на море,
 Выслушать, что будутъ люди лепетать
 И потомъ поутру Богу рассказать.
 Свѣтитъ бѣлолицый, — всю онъ Украину
 Видитъ.... а глядитъ-ли онъ на сиротину,
 На Оксану нашу? Гдѣ она горюетъ?
 Гдѣ голубка наша и о чемъ воркуетъ?

Знаетъ-ли Ярема, знаетъ-ли и чуетъ?
 Мы увидимъ послѣ, а теперь играть
 Мнѣ пришлось пѣсню словно-бы иную:
 Будутъ не дѣвѣицы подъ неѣ плясать,
 А попляшетъ горе. Пѣсню распѣвать
 Пусть придется внукамъ, только нашимъ внукамъ,
 Надо тоже внукамъ пѣсню завѣщать,
 Какъ Украина встала, на смѣхъ лютымъ мукамъ,
 Какъ умѣли Ляховъ прадѣды карать.

Долго, долго по Украинѣ
 Та гроза гремѣла;
 Долго, долго кровь степями
 Лилась и алѣла.
 Лилась, лилась — и подсохла.
 Степени зеленѣютъ;
 Дѣды спать легли, — курганы
 Въ головахъ синѣютъ.

Ну, да что же, что высьoki?

Ихъ никто не знаетъ,
И надъ ними не заплачетъ,
И не разгадаетъ.

Только вѣтеръ тихо, тихо
Пролетитъ надъ ними,

Да роса поутру рано
Слѣзками частыми

Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце
Высушитъ, пригрѣетъ....

А внучата? Нѣтъ имъ дѣла —
Въ полѣ жито сѣютъ!

Много ихъ, а кто укажетъ
Гдѣ лежитъ въ могилѣ

Гонта, мученикъ за правду?
Гдѣ похоронили?

Желѣзнякъ, душа прямая,
Гдѣ опочиваетъ?

Тяжко! больно! Все погибло —
Ихъ не вспоминаютъ.

Долго, долго по Украинѣ
Та гроза гремѣла;

Долго, долго кровь степями
Лилась и алѣла.

День и ночь подъ тѣмъ погромомъ
Стонетъ степь и гнѣтся;

Грустно, страшно, а вспомнешь —
Сердце усмѣхнѣтся.

Мѣсяцъ ты мой ясный! съ неба на ночь эту
 Ты спустишь за гòру: намъ не надо свѣту;
 Страшно будетъ, мѣсяцъ! хотъ ты видѣлъ Рось,
 Видѣлъ Альту, Сѣну, какъ тамъ разлилось
 Алой крови море въ проклятую пору.
 А теперъ что будетъ! Спрячься же за гòру,
 Спрячься, мой дружочекъ, чтобъ не довелось
 Намъ подъ старость плакать. . . .

Тускло, тускло въ поднебесьѣ
 Свѣтитъ бѣлолицый.
 Вдоль Днѣпра казакъ плетется,
 Можетъ, съ вечерницы.
 Онъ плетется смутный, грустный,
 Чуть волочить ноги.
 Можетъ, дѣвица не любитъ,
 Потому — убогий?
 Нѣтъ, его дѣвица любитъ:
 Пусть онъ весь въ заплатяхъ,
 Да за-то онъ чернобровый —
 Будетъ изъ богатыхъ.
 Отчего жъ ему взгрустнулось,
 Отчего тоскуетъ
 И едва не плачетъ? Вѣрно,
 Сердце горе чуетъ.
 Чуетъ сердце: злое горе
 Завернуло въ гости,
 Да узнай его! . . . Всѣ люди
 Словно на погостѣ.

Дремлетъ пѣвень на заборѣ,
Дремлетъ пѣсь — не лаесть,

Только гдѣ-то издалѣка

Волки завываютъ.

Пусть ихъ спятъ. . . . Идѣтъ Ярема,

Только не къ Оксанѣ,

Не къ Оксанѣ чернобровой,

Что жила въ Вильшанѣ, —

А въ Черкасы къ Ляхамъ. Третій

Пѣвень запѣваетъ. . . .

Ну, а тамъ. . . . Идѣтъ Ярема,

Рѣку озираетъ.

«Ой Днѣпръ, ты мой Днѣпръ, мой широкой, глубокой!

Довольно ты крови казачьей носилъ

Въ далѣкое море, дорогой далѣкой,

Да сѣнее море ты всё не испортилъ;

Сегодня упьѣшься. Сегодня отъ Бога

Украину ждѣтъ праздникъ, съ полуночи ждѣтъ,

Да праздникъ-то страшный. . . . И много и много

Прольѣтъ она крови. Казакъ оживѣтъ

И встанутъ гетьмани, въ парчѣвомъ жупанѣ,

И будетъ, какъ прежде, Украина жива,

И снова казакъ запоетъ не-по-тайну:

«Нѣтъ Ляховъ съ жидами!» И снова Украину

Освѣтитъ, какъ въ старые дни, булава. . . .»

Такъ думалъ, плетяся въ дырявой рубахѣ,

Сердечный Ярема съ священнымъ въ рукахъ.

А Днѣпръ словно слышалъ: на всѣмъ на размахѣ
Горой пѣнитъ волны; въ густыхъ тростникахъ
Рѣвма стонетъ, завываетъ,
Лѣзы нагибаетъ,
Громъ гремитъ и молоньёю
Тучу раздираетъ....

.....
.....

—

III.

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКЪ.

Вечерѣло. Надъ Лисянкой
Искры закружили:
Это Гонта съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить! Болотный Тѣкичъ
Кровію алѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И избушка и палаты;
Видно, Богъ караетъ
И большого, и меньшого.
Середѣ базара
Желѣзнякъ и Гонта только
Крикнутъ: «Ляхамъ кара!
Кара Ляхамъ!» — даже дѣти
На ножи лѣзтъ рады.
Плачутъ, стонутъ Ляхи, просятъ —
Нѣту имъ пощады! . . .

Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
 Кто надъ трупомъ брата —
 Исповѣдуются Ляхи:
 Времени потра́та.
 Нѣтъ, не милуютъ *lixie*
 Ни годòвъ, ни роду,
 Ни полячки, ни жидовки.
 Кровь сочится въ воду.
 Старца-старого, калѣки,
 Малаго ребѣнка
 Не осталось; всѣхъ повѣла
Красная пелѣнка.
 Всѣ легло на зѣмлю лоскомъ,
 Всѣ, что живо было,
 Между шляхтой и жидами. . . .
 А межъ тѣмъ все плыло
 Выше къ тучамъ и пылало
 Зарево пожара. . . .
 Галайда — тотъ знай рыкаетъ:
 «Кара Ляхамъ, кара!»
 Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
 Жжётъ, что ни попало.
 «Дайте Ляха, аль Іуду!
 Всѣ мнѣ м̀ало, мало!
 Дайте Ляха, дайте крови
 Наточить съ поганыхъ!
 Море-крови. . . . мало м̀оря. . . .
 Охъ, моя Оксана!
 Гдѣ ты?» Крикнетъ и потонетъ
 Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ставятъ вдоль базара
 Столъ да столъ; несутъ припасы,
 Что добыть успѣли,
 Чтобъ отъужинать засвѣтло.
 «Тѣшься!» заревѣли.
 Сѣли ужинать; кругомъ ихъ
 Адъ горитъ и рдѣетъ.
 На рожнахъ то тамъ, то ѡндѣ
 Панскій трупъ чернѣетъ.
 Вотъ рожны и загорѣлись —
 Трупы вмѣстѣ съ ними
 На земь рухнулися. «Пейте,
 Дѣти, съ проклятыми!
 Можетъ быть, еще прійдется
 Повстрѣчаться съ ними.
 Пью за трупы, пью за души
 Ваши!» восклицаетъ
 Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки
 Разомъ осушаетъ.
 «Пейте дѣти! пейте, лейте!
 Выпьемъ, Гонта, что-ли?
 Выпьемъ, братъ ты мой названнѣй!
 Погуляемъ въ волю!
 Гдѣ же Вѣлохъ? пусть сыграетъ —
 Мы его уважимъ:
 Чтѣ не скажетъ онъ про Ляховъ,
 Мы ему доскажемъ.
 Не про горе, потому что
 Горя не уважимъ —

Веселую дёрни, старче,
 Чтобъ земля ломилась,
 Какъ вдовица-молодица
 Пòпусту томилась!

Кобзарь (*играетъ, припѣвая*):

«Отъ села и до села
 Музыка и пляска:
 За насѣдку черевички —
 Будетъ же имъ таска!
 Отъ села и до села
 Я бы расплясалась:
 Ни коровы, ни вола —
 Хата мнѣ осталась!
 Да и ту продамъ кумѣ
 Я со всѣмъ приборомъ
 И куплю себѣ шалашъ
 Прямо подъ заборомъ;
 Торговать и шинковать
 Буду я крючками,
 И тогда-то ужъ гулять
 Буду съ молодцами.
 Охъ, вы дѣточки мои,
 Охъ, вы голубятка!
 Не стыдитесь, подивитесь,
 Какъ танцуетъ матка!
 Я въ наёмъ пойду; дѣтей
 Въ школу. . . . да и въ пляску —

И червоннымъ черевѣчкамъ
Я задамъ же таску!»

Всё танцуетъ, всё пируетъ....

Галайдà - бѣдняжка

На концѣ стола горюетъ,

Плачетъ горько, тяжко,

Какъ ребѣнокъ. Отчего же?

Въ аломъ онъ жупанѣ;

Есть и золото, и слава —

Не замѣнъ Оксанѣ!

Нè съ кѣмъ долей подѣлиться....

Грустно.... Не поѣтся....

Одинокимъ сиротою

Пропадать прійдется

За Оксану.

. Галайдà

Съ Гонтою танцуетъ.

Желѣзнякъ хватаетъ кобзу,

Съ кобзаремъ толкуетъ:

«Попляши, а я сыграю,
 Старина, какъ знаю.»
 И пошёлъ слѣпой въ присядку
 По всему базару,
 Отдираетъ постолàми,
 Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ;
 Аль тебѣ я не казакъ, не казакъ?
 Аль тебя я не люблю, не люблю?
 Аль тебѣ я черевиковъ не куплю?
 Я куплю тебѣ обновку,
 Распотѣшу чернобровку!
 Буду, сердце, ходить,
 Буду, сердце, любить!

«Ой гоць-гопакà!
 Полюбила казакà,
 Только старый, да недюжій,
 Только рыжій, неуклюжій —
 Вотъ и доля вся пока!
 Доля слѣдомъ за тоскою,
 А ты, старый, за водою,
 А сама-то я въ шинокъ,
 Да хвачу себѣ крючокъ,
 А потомъ — все чокъ да чокъ:
 Чарка первая колòмъ,
 А вторая соколòмъ

Баба въ плясъ пошла — конецъ,

А за нею молодець....

Старый - рыжій бабу кличетъ

Только баба кукишъ тычетъ:

«Коль женился, сатана,

«Добывай же мнѣ пшена;

«Надо дѣтокъ пожалѣть —

«Накормить и приодѣть.

«Добывай, не то — быть худу,

«А ужь я сама добуду....

«А ты, старый, не грѣши —

«Колыбельки колыши,

«Да молчи и не грѣши.»

«Какъ была я молодою, да угодницею,

Я повѣсила передникъ надъ оконницею;

Кто бъ ни шёлъ — не минѣтъ,

И кивнѣтъ, и моргнѣтъ.

Я въ окошечко киваю,

Шёлкомъ въ пальцахъ вышиваю....

Охъ, Семёны — вы — Иваны,

Надѣвайте - ка жупаны,

Да со мной гулять пойдѣмте,

Да присядемъ — запоёмте....»

IV.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, минуло лѣто,
А степь горить, да и горить;
По сѣламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Бѣгъ вѣсть! Шелеститъ
Поблѣклой листвою дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ —
И не слышать людскаго слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ: не хоронили,
Волкòвъ Поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Да бѣлы-снѣгъ и вьюга —

Только въ помочь карѣ:

Ляхи мёрзли, а казаки

Грѣлись на пожарѣ.

И весна пришла и ряской

Воду принакрыла,

Поднесла землѣ барвинокъ,

Да и разбудила —

Пусть сыра - земля проснётся.

Жаворонокъ въ полѣ,
Соловей въ кустахъ, — и льётся
Пѣсня ихъ о волѣ

Сущій рай! А для кого же?

Для людей? Не будетъ
Человѣкъ глядѣть, а взглянетъ —
Божій рай осудитъ.

Надо кровію подкрасить,

Освѣтитъ пожаромъ;
Солнца мало, рясокъ мало;

Тучи ходятъ даромъ;

Аду мало! . . . Люди, люди!

Да когда жь довольно
Будетъ вамъ добра Господня?

И чудно, и больно!

И весна не смыла крови:

Злоба братьевъ вдвое —
Не глядѣлъ бы; а припомнишь —

Было такъ и въ Троѣ;

Будетъ вѣчно.

Гайдамаки

Рѣжутъ да гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
Кровью намокàетъ.

Подобралъ Максимъ сыночка —

Вспомнитъ Украина!

Хоть не сынъ родной Ярема,
 А не хуже сына.
 Батъка рѣжетъ, а Ярема
 Рѣжетъ — и лютуетъ —
 Со священнымъ на пожарахъ
 Днюетъ и ночуетъ.
 Не помилуетъ, не минетъ
 Ляха проклятого:
 Онъ за ктѣтора имъ платитъ,
 За отца святаго,
 За Оксану. . . . И шатнѣтся,
 Вспомнивъ про Оксану.
 А Максимъ: «Гуляй, сыночекъ!
 Если не устану,
 Погуляемъ!»

Погуляли:

Кѹпа подлѣ кѹпы,
 Вплоть отъ Кіева на Умань
 Протянулись трупы.

Словно туча, гайдамаки
 Умань обложили,
 О полѹночи; съ зарёю
 Умань запалили;
 Запалили, закричали:
 «Кара Ляхамъ! Крови!»
 Покатились по базару
 Конны *parodowi*,

Панны, малыя ребята,
 Хворые калѣки.
 Снова громъ — и на базарѣ
 Рѣки крови, рѣки!
 Въ бродъ ихъ Гонта переходитъ
 Съ удалымъ Максимомъ
 И кричатъ вдвоёмъ: «Вотъ такъ-то,
 Такъ имъ, нечестивымъ!»

Вотъ — волочатъ гайдамаки
 Ксёндза-іезуита
 И двухъ мальчиковъ. «Эй, Гонта!
 «Вотъ твои сынки-то!...
 «Вѣдь католики: самъ знаешь —
 «Дѣти католички.
 «Ты насъ рѣжешь — ихъ бы кстати,
 «Благо невелички!
 «Отчего жь ты ихъ не рѣжешь?
 «Подростутъ, такъ сами
 «На тебя поднимутъ руки
 «Съ нашими ножами.»
 — Пса убейте, а щенятъ-то
 Я — своей рукою....
 Кличь громаду! Признавайтесь,
 Дѣти, предо мною, —
 Вы — католики? —

«Да, тятя!

«Мать насъ окрестила....»

— Замолчите! . . . Знаю! знаю!

Боже Ты мой милый! —

Собрались гайдамаки.

— Нѣту имъ пощады! . . .

Чтобы нѣ было измѣны,

Господа громада,

Присягалъ я, взявъ *священныи*. . . .

Дѣти католички. . . .

Охъ — вы, дѣти, вы, сыночки,

Что вы не велички?

Что не рѣжете вы Ляховъ? —

«Будемъ рѣзать, тятя!»

— Нѣтъ, не будете вы рѣзать! . . .

Пусть мои проклятья

Поразятъ ту католичку,

Что васъ породила!

Отчего она съ зарёю

Васъ не утопила?

Вы бы умерли безгрѣшно,

Не еретиками;

А сегодня. . . . не на радость

Встрѣтился я съ вами!

Васъ присяга убиваетъ

А не батька, дѣти. —

Ножъ поднялся — и малютокъ

Не было на свѣтѣ.

И невинные малютки,

Падая, шептали:

«Тятя, тятя, мы не Ляхи,

«Мы. . . .» — и замолчали.

«Хоронить ихъ?» — Нѣтъ, не надо:

Дѣти католички....

Сыновья мои! чего вы

Были не велички? —

.....
.....

Всѣ гуляютъ. Гдѣ же Гонта?

Что онъ не гуляетъ?

Что не пьетъ онъ съ казакѣми?

Что не распѣваетъ?

Нѣтъ его; теперь бѣднягѣ

Гонтѣ не до пѣсенъ....

Кто тамъ бродитъ въ черной свиткѣ

Посреди базара?

Кто тамъ сталь надъ грудой труповъ,

Въ заревѣ пожара?

Долго ищетъ онъ кого-то,

Проклятую кѹпу

Мертвыхъ Ляховъ разгребаетъ....

Отыскалъ.... Два трупа —

Двухъ подростковъ взялъ на плечи,

И позадь базара

Черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ,

Середѣ пожара,

За костёломъ. Кто же это?
 Гонта, горемъ битый:
 Хоронить дѣтей несетъ онъ,
 Чтобъ землю крыты
 Были, чтобъ казачья тѣла
 Стая псовъ не ѣла.
 И по улицамъ, по темнымъ,
 Гдѣ не такъ горѣло,
 Гонта несъ дѣтей на плечахъ,
 И отъ люду крылся,
 Не видали бы, какъ старый
 Гонта прослезился,
 Хороня дѣтей. Онъ вынесъ
 Дѣтокъ въ поле прямо,
 Прочь съ дороги, и *священны́й* —
 Въ землю: будетъ яма! . . .
 Онъ копаетъ и копаетъ. . . .
 Умань всё пылаетъ,
 Свѣтитъ Гонтѣ на работу. . . .
 Отчего же въ свѣтѣ,
 Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
 Гонтѣ страшны дѣти?
 Отчего-жь онъ, словно крадетъ,
 Или кладъ хоронить,
 Даже струсить, если вѣтеръ
 До него догонитъ
 Крикъ и пѣсни гайдамаковъ? . . .
 Онъ дѣтей хоронитъ,
 Онъ глубокую имъ хату
 Роетъ; въ тёмной хатѣ,

Не глядя, кладётъ — знать слышитъ:

«Мы не Ляхи, тятя!»

Уложилъ; досталъ китайку

Изъ кисы; лобзаетъ

Мёртвыхъ въ очи, и китайкой

Алой накрываетъ,

Крестить.

— Дѣти! поглядите

Вы на Украину:

За неё вы сгибли, дѣти,

За неё я сгину!

Да меня-то кто схоронить

На чужомъ на полѣ,

Какъ я васъ, и кто заплачетъ

По моей по долѣ?

Спите, дѣти, почивайте!

Вамъ постель — могила!

Сѹка - мать другой постели

Вамъ не обрядила.

Безъ вѣнчочковъ — василёчковъ,

Безъ калины, дѣти,

Спите здѣсь, моля у Бога,

Чтобъ на этомъ свѣтѣ

Покаралъ меня жестоко

За грѣхи за эти. . . .

Что католики вы были, —

Вамъ прощаю, дѣти! —

И заравниваетъ землю,

Чтобъ враги не знали,

Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
Гдѣ ихъ погребали.
— Спите, дѣти! батьку ждите:
Скоро будетъ!... что же?
Скороталь вашъ вѣкъ я, только
И меня ждѣтъ то же,
И меня убьютъ.... Схоронятъ....
Кто?... И самъ не знаю....
Гайдамаки!... Охъ, ещё разъ
Съ ними погуляю!... —

И пошѣлъ убитый Гонта;
Шагъ — и спотыкнѣтся.
Свѣтитъ зарево — онъ глянетъ,
Глянетъ — усмѣхнѣтся.
Страшно, страшно усмѣхался;
На степь оглянулся,
Слёзы вытеръ, и въ пожарномъ
Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

.....
.....

Погуляли гайдамаки,
 Лихо погуляли:
Чуть не годъ шляхетской кровью
 Вдоволь наводняли
Украину, и замолкли —
 Ножъ свой иззубрили.
Нѣту Гонты; крестъ не блещетъ
 На его могилѣ.
Буйны вѣтры разметали
 Пепель гайдамака.
Больше нѣкому молиться
 Слѣзно: нѣтъ и знака,
Гдѣ тотъ пепель? . . . Въ цѣломъ свѣтѣ
 Только братъ названный,
Только онъ одинъ заплакалъ:
 Зналъ, какъ окаянный
Ляхъ замучилъ Гонту-брата
 Муками такими,

Что и онъ заплакалъ, съ рѣду
 Въ первый разъ. . . . Богъ съ ними,
 Со слезами! Ихъ не вытеръ
 Желѣзнякъ. . . . а вскорѣ
 Самъ зарылъ онъ въ чуждомъ полѣ
 И тоску, и горе.
 И простились гайдамаки
 Съ той *железной* силой,
 Что они прикрыли слѣзно
 Насыпной могилой. . . .
 А простились — и пропали,
 Словно не бывали. . . .

И однимъ-одинъ Ярема;
 Онъ одинъ, мой жалкой,
 Отъ могилы не отходитъ:
 Подпершись палкой,
 Долго онъ стоитъ. «Спи, батъка,
 На чужомъ на полѣ —
 На своемъ ужъ нѣту мѣста,
 Нѣту мѣста воли.
 Спи, казакъ, коль спать охота!
 Припомянетъ кто-то?»

И пошѣлъ онъ степью; слѣзы
 Сердце отирало.
 Онъ оглядывался долго —
 И его не стало. . . .

И въ степи одна могила
Съ вѣтромъ говорила.

Такъ въ Украинѣ гайдамаки
Засѣвали жито,
Только жать-то не пришлось:
Градомъ, знать, побито....
Правда сгинула въ подросткахъ;
Кривда повивала....

Разошлись гайдамаки,
Кто куда попало;
Разошлись гайдамаки
По своимъ жилищамъ,
Кто домой, а кто въ дуброву —
Ножъ за голенищемъ —
Доконать жидовъ проклятыхъ,
Доконать безбожье....

А тѣмъ временемъ сломили
Наше Запорожье:
Кто къ Кубани, кто къ Дунаю;
Только и остались
Что пороги середь степи.
Рѣвма-разрыдались:
«Схоронили нашихъ дѣтокъ,
И до насъ добрались!»
Рѣвма-воють — пусть ихъ воютъ:
Ихъ пора минула....

Съ той поры по всей Украинѣ

Жито зеленѣетъ;

Нѣтъ ни слёзъ, ни грозъ, ни грома. . . .

.

.

.

Всё замолкло

.

Л. Мей.

МЕЛІКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ДУМА.

Проходятъ дни. . . . проходятъ ночи. . . .

Прошло и лѣто; шелеститъ

Листъ пожелтѣлый. . . . гаснутъ очи,

Заснули думы, сердце спитъ.

Заснуло все, — не знаю я

Живешь ли ты, душа моя?

Безстрастно я гляжу на свѣтъ,

И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою,

Знать, не дано мнѣ никакой. . . .

Но если я благой не стою,

Зачѣмъ не вымолю хоть злой?

Не дай, о Боже! какъ во снѣ

Блуждать. . . . остынуть сердцемъ мнѣ. . . .

Гнилой колодой на пути

Лежать меня не попусти!

Пожить мнѣ дай.... Творецъ небесный —
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить!
Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя — тяжело въ ней....
На волѣ жить — и спать, страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда —
И смерть и жизнь — одно тогда.

А. Плещеевъ.

Д О Л Я.

Ты не лукавила со мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Бѣднягѣ стала. Ты взяла
Меня за крохотную руку
И въ школу мальчика свела
Къ дьячку разгульному въ науку.
«Учись! Современемъ, дитя,
Людьми мы будемъ», ты сказала.
И я учился — вѣрилъ я —
И научился. . . . Ты жь солгала:
Что мы за люди? . . . Нужды нѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли, и за собою
У насъ зерна неправды нѣтъ.

Н. Гербель.

Ж Н И Ц А .

Она на барскомъ полѣ жала —
И тихо побрела къ снопамъ;
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала —
Кормила, нянчила, ласкала —
И незамѣтно впала въ сонъ.

И снится ей: житьемъ довольный
Ея Иванъ, пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ, —
И потому, что самъ ужъ вольный. . . .

Они съ лицомъ велелымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу;
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ;
И тихо улыбулась жница. . . .

Но тутъ проснулась. . . . Грустно ей!
И спеленавъ малютку, быстро
За серпъ взялась: дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

А. Плещеевъ.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой идя въ полуночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомяни меня ты:
А когда придетъ невзгода —
Просидить до свѣта,
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси совѣта;
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далекò надъ моремъ,
Какъ онъ мается въ неволѣ,
Какъ онъ бьется съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души тревогу
Схоронивъ, въ пустынѣ бродить,
Молится все Богу,
Объ Украинѣ воспоминаетъ,
О тебѣ, сердечный,
И груститъ порой.... не сильно
И безъ слезъ, конечно,

А такъ только.... на дворѣ вѣдь
Праздникъ наступаетъ....
Тяжело тому, кто праздникъ
Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
Благовѣсть раздастся
По Украинѣ; завтра рано
Станутъ собираться
Люди въ церковь; завтра рано
Зареветь голодный
Звѣрь въ пустынѣ, да подуетъ
Ураганъ холодный
И завѣтъ бѣлымъ снѣгомъ
Мой курень печальной....
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
На чужбинѣ дальной!

И. Гербель.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Рано утромъ новобранцы
Выходили изъ села,
А за ними, молодыми,
Красна дѣвица брела.
Мать-старуха не пускала —
Дочку съ милымъ разлучала....
Разлучила — и корила
До тѣхъ поръ, пока землѣй
Дочь засыпала, зарыла,
А сама пошла съ сумой.

Все попрежнему въ деревнѣ —
Не перемѣнилось,
Только крайняя избушка
На бокъ наклонилась.
Вкругъ избы служивый бродить,
Чуть переступаетъ:
Онъ заглядываетъ въ окна,
Садикъ озираетъ.
Но не выгянетъ красотка
Изъ пустой избушки;

Не услышитъ онъ привѣта
Матери-старушки.

А когда-то былъ онъ званый,
Ручники ужь ткàлись,
И платки цвѣтнымъ узоромъ
Шолкомъ вышивались.

Думалъ вѣкъ прожить счастливо,
Съ милой веселиться,
А пришлось, мой голубъ сизый,
Плакать и томиться!

У избы сидитъ служивый;
На дворѣ стемнѣло;
А въ окно сова ночная
Пристально глядѣла.

Н. Гербель.

КАЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Для чего бы мнѣ жениться?

Для чего вѣнчаться?

Станутъ всюду надо мною

Казачи смѣяться.

«Ишь — женился» скажутъ люди —

«Голый да голодный:

«Только волю молодую

«Загубилъ, безродный!»

Ваша правда. Что жь мнѣ дѣлать?

Къ вамъ я за совѣтомъ.

Аль въ наймы закабалиться?

Да что толку въ этомъ?

Не заѣмъ, не загоняю

Я чужую долю;

Не сгублю между чужими

Молодую волю.

Лучше буду красоваться

Въ голубомъ жупанѣ

На конѣ лихомъ носиться
Передъ казаками.
Приищу себѣ невѣсту
Въ полѣ при долинѣ —
Одинокую могилу
Въ нашей Украинѣ.
Къ молодому сослуживцы
Прйдутъ на пирушку,
Принесутъ съ собой мушкеты,
Выкатятъ и пушку.
Какъ меня на новоселье
Понесутъ родные,
Загрохочутъ самопалы,
Ружья боевыя.
Какъ положить атамана
Въ новую избушку,
Словно мать, завопитъ громко
Заревая пушка.
Долго будетъ раздаваться
Голосъ величавый,
И тотъ голосъ по Украинѣ
Разнесется славой.

Н. Гербель.

Мы всѣ живемъ и всѣ не знаемъ
Зачѣмъ судьба намъ жизнь дала?
Добра ли ждать намъ или зла?
Къ чему идемъ, чего желаемъ?
За что въ незнаньи умираемъ
Безъ силъ на свѣтлыя дѣла!

Суди жь, моей виновникъ доли,
Меня за всѣ дѣла мои!
Ахъ! лучше бь дѣти не росли,
Которыя, родясь въ неволѣ,
Позоръ себѣ же принесли!

Н. Курочкинъ.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село;
Что же я по немъ тоскую,
Что же мнѣ такъ жаль его?
За кафтанъ короткій, что ли,
Иль за чорный усъ такъ жаль,
Иль за то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль;
Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя;
Не хотятъ меня ужь люди
Брать и замужъ за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ,
Не даютъ онѣ прохода —
Все гусарихой зовутъ.

А. Плещеевъ.

П Ъ С Н Я .

Проторила я тропинку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, мой сердечный,
На базаръ.

Парнямъ бублики носила,
Вечеркомъ
Продала, и воротилась
Съ пятакомъ.

Я два грѣша, ахъ, два грѣша
Прошла!
На копейку музыканта
Наняла.

Ты съиграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей. . . .
Чтобъ забыла я кручину,
Горе съ ней. . . .

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвка я.
Сватай — выйду я пожалуй
За тебя!

А. Плещеевъ.

В Е Ч Е Р Ъ .

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ;
И распѣваючи дѣвчаты
Домой на вѣчерю спѣшатъ.

Семья ихъ ждетъ, и все готово;
Звѣзда вечерняя встаетъ,
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово
Да соловейко не даетъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ. . . .
Затихло все: однѣ дѣвчаты,
Да соловейко не затихъ.

Л. Мей.

СПИСОКЪ

ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ШЕВЧЕНКА

И ИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

I.

СПИСОКЪ

ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ШЕВЧЕНКА.

1840.

КОБЗАРЬ. *Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи Е. Фишера. 1840.* (Въ 12-ю д. л.) Содержаніе: 1) *Думи мої, думи мої!* 2) *Перебѣндя*, 3) *Катерина*, 4) *Топѳля*, 5) *Думка* (На що мині чорні брови?) 6) *До Основьяненка*, 7) *Иванъ Підкова* и 8) *Тарасова нічъ*. Почти каждое стихотвореніе посвящено кому-нибудь, именно: 2 — Е. П. Гребенкѣ, 3 — В. А. Жуковскому, на память 22-го апрѣля 1838 года, 4 — П. С. Петровской, 7 — В. И. Штернбергу и 8 — П. И. Мартосу. Въ началѣ приложена картинка, изображающая кобзаря съ его вожакомъ.

1841.

Вітре буйний. («Ластовка», 1841, стр. 23).

Причинна. (Тамъ-же, стр. 230).

На вічну пам'ять Котляревському. (Тамъ же, стр. 306).

Глава I изъ поэмы «Гайдамаки». (Тамъ же, стр. 371).

Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи А. Сычева. 1841. (Въ 12-ю д. л.) Въ началѣ посвященіе: *Василію Ивановичу Григоровичу, на память 22 апрѣля 1838 года*; а въ концѣ: *Предмова* и (на оберткѣ) обращеніе къ подписчикамъ.

1842.

Отрывокъ изъ драмы: «Никита Гайдай». («Маякъ», 1842, т. V, № 9, отд. I, стр. 1). На русскомъ языкѣ.

1843.

Думка (Тяжко-важко въ світі жити!). («Молодикъ», 1843, ч. II, стр. 91).

Н. Маркевичу. (Тамъ же, стр. 108).

Утоплена. (Тамъ же, стр. 114).

1844.

Гамалія. Соч. Шевченка. Спб. Въ типографіи М. Ольхина. 1844. (Въ 8-ю д. л.)

Безталанный. Поэма. («Маякъ», 1844, т. XIV, № 4, отд. I, стр. 17). На русскомъ языкѣ. Въ началѣ посвященіе: *На память 9-го ноября 1843 года княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной*. Также издана отдѣльно, подъ заглавіемъ:

ТРИЗНА. *Т. Шевченка. Спб. Въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. 1844. (Въ 12-ю д. л.)*

ЧИГИРИНСКІЙ КОБЗАРЬ И ГАЙДАМАКИ. *Двѣ поэмы на малороссійскомъ языкѣ. Т. Г. Шевченка. Новое изданіе. Съ картинкою. Спб. Въ типографіи Х. Гинце. 1844. (Въ 12-ю д. л.)* Первая изъ двухъ поэмъ перепечатана съ перваго изданія безъ перемѣны, а второе есть первое изданіе «Гайдамакъ», отпечатанное въ 1841 году, и переплетенное въ одну книгу съ «Кобзаремъ».

1857.

НАЙМИЧКА. («Записки о Южной Руси», 1857, т. II, стр. 149).

1859.

ВЕЧЕРЬ. («Русская Бесѣда», 1859, № 3, отд. I, стр. 4). Въ началѣ посвященіе: *А. И. Лазаревской*. Перепечатанъ въ «Народномъ Чтеніи» (1859, кн. 3, стр. 152).

СОНЪ. («Русская Бесѣда», 1859, № 3, отд. I, стр. 5). Въ началѣ посвященіе: *Марку Вовчку*.

ХУСТИНА. («Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 156).
Перепечатана въ «Хатѣ» (1860, стр. 86).

ЯКЪ-БИ МИНІ ЧЕРЕВІКИ. («Народное Чтеніе», 1859, кн. 5, стр. 168).

ОДИНЪ У ДРУГОГО ПИТАЕМЪ. (Тамъ же, кн. 6, стр. 133).

1860.

И широкую долину. («Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 143).

Не вернувся изъ походу. (Тамъ же, стр. 144).

И богата я. (Тамъ же, стр. 145).

Полюбилася я. (Тамъ же, стр. 147).

Кобзарь. Тараса Шевченка. *Коштомъ Платона Семеренка. Спб. Въ друкарні П. А. Куліша. 1860.*

(Въ 8-ю д. л.) Содержаніе: 1) *Думи мої, думи мої!* 2) *Перебѣндя*, 3) *Тополя*, 4) *Утоплена*, 5) *Причинна*, 6) *Думки: Тече вода въ синє море*, 7) *Вітре буйний, вітре буйний*, 8) *Тяжко-важко въ свѣті жити*, 9) *На що мині чорні брови?* 10) *До Основьяненка*, 11) *Иванъ Підкова*, 12) *Тарасова нічъ*, 13) *Гамалія*, 14) *Катерина*, 15) *Наймичка*, 16) *Гайдамаки* и 17) *Псалми Давидови* (10 псалмовъ: 1, 12, 43, 52, 53, 81, 93, 132, 136 и 149). Въ началѣ посвѣщенье: «Марку Вовчокѣ, на память 24-го стичня 1859 року». Къ изданію приложенъ весьма схожій портретъ авторъ, рисованный г. Микѣшинымъ и рѣзанный на деревѣ г. Гогенфельденомъ.

Калина. («Хата», 1860, стр. 73).

Пустка. (Тамъ же, стр. 76).

На рїздвѣ. (Тамъ же, стр. 77).

Козацька дѣля. (Тамъ же, стр. 79).

На Вкраїну. (Тамъ же, стр. 80).

Хатина. (Тамъ же, стр. 83).

До зорі. (Тамъ же, стр. 85).

Доля. (Тамъ же, стр. 89).

Пісня. (Тамъ же, стр. 90).

Письмо Т. Г. ШЕВЧЕНКА къ редактору «Народнаго Чтенія». («Народное Чтеніе», 1860, кн. II, стр. 229). На русскомъ языкѣ.

Ой одна я, одна.... (Тамъ же, кн. III, стр. 151).

II.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ШЕВЧЕНКА.

I.

ДУМИ МОІ, ДУМИ МОІ!

Н. ГЕРБЕЛЯ (Съ малороссійскаго). «Сынъ Отечества», 1857, № 17, стр. 391. Перепечатано въ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 117). Первые два куплета; *остальное стихотвореніе напечатано здѣсь въ первый разъ.*

II.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Перебендя, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

III.

ТОПОЛЬ.

1. П. Вейнберга (Тополь, изъ Шевченка). «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 3, отд. I, стр. 1.
2. Н. Гербеля (Idem). «Современникъ», 1860, т. 80, № 3, отд. III, стр. 109). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

IV.

УТОПЛЕННИЦА.

- В. Крестовскаго (Утопленница, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

V.

ПОРЧЕНАЯ.

- В. Крестовскаго (Порченая, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

ДУМА.

(Тече вода въ сине море.)

- Н. Гербеля (Дума, изъ Шевченка). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VII.

ДУМА.

(Вітре буйний, вітре буйний!)

1. П. Ковалевскаго (Дума, изъ Шевченка). «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 1.

2. Н. БЕРГА (Idem). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

ДУМА.

(Тяжко-важно въ свѣтѣ жити.)

Н. ГЕРБЕЛЯ (Дума, изъ Шевченка). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

ДУМА.

(На що мині чорні брови?)

Н. ГЕРБЕЛЯ (Дума, съ малороссійскаго). «Библиотека для Чтенія», 1856, т. 140, № 12, отд. I, стр. VII. Перепечатана въ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 102).

X.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

М. МИХАЙЛОВА (Иванъ Подкова, изъ Шевченка). «Русское Слово», 1860, № 4, отд. II, стр. 41. *Здѣсь переводъ напечатанъ съ исправленномъ видѣ.*

XI.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Тарасова ночь, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XII.

ГАМАЛѢЯ.

Н. БЕРГА (Гамалѣя, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIII.

ПЛАТОКЪ

Л. МѢЯ (Платокъ, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 159. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 67) и въ «Хатѣ» (1860, стр. 86).

XIV.

КАТЕРИНА.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Катерина, повѣсть, изъ Шевченка). «Русское Слово», 1860, № IX, отд. I, стр. 215.

XV.

БАТРАЧКА.

1. А. ПЛЕЩЕЕВА (Работница, поэма Тараса Шевченка). «Современникъ», 1860, т. 80, № 4, отд. I, стр. 457. Въ началѣ посвященіе: *И. С. Тургеневу.*
2. Л. МѢЯ (Батрачка, изъ Шевченка). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XVI.

ГАЙДАМАКИ.

1. П. КОВАЛЕВСКАГО (Изъ поэмы Шевченка «Гайдамаки»). «Библіотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 3. Два отрывка изъ главъ подъ названіемъ: «Треті півні» и «Гонта въ Умани». Первый отрывокъ, отъ стиха: *Гомо-ніла Україна, до — Жито собі сіють;* а второй отъ

стиха: *Минають дні, минає літо, до — Поки ихъ снігомъ занесло.* (По послѣдному изданію «Кобзаря» (1850) — стр. 168 и 205.)

2. Л. Мея (Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки»). Шесть отрывковъ: 1) Вступленіе, 2) Галайда (отъ стиха: *Тяжко жить на світі, до — Абó хочъ приснися. . . . не хочетця спать*), 3) Третьи пѣтухи, 4) Пиръ въ Лисянкѣ (съ начала до стиха: *Му-суть пропадати, и потомъ отъ стиха: И Галайда зъ Гонтою танцюе, до — Та сядема заспіваймо*), 5) Гонта въ Умани, и 6) Эпилогъ (отъ стиха: *Погуляли Гайдамаки, до — Така Божя воля.* *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XVII.

ДУМА.

- А. ПЛЕЩЕЕВА (Стихотвореніе Шевченка, съ малороссійскаго). «Современникъ», 1858, т. 71, № 10, отд. I, стр. 470.

XVIII.

ДОЛЯ.

1. Л. БЛЮММЕРА (Доля, изъ Шевченка). «Свѣточъ», 1860, № IV, отд. III, стр. 77.
2. Н. ГЕРБЕЛЯ (Iedem). *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIX.

СОНЪ.

- А. ПЛЕЩЕЕВА (Жница, съ малороссійскаго). «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46.

XX.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Канунъ Рождества, изъ Шевченка).
Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.

XXI.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Покинутая избушка, изъ Шевченка).
Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.

XXII.

КАЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Казачья доля, изъ Шевченка). *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XXIII.

ОДИНЪ У ДРУГОГО ПИТАЕМЪ.

Н. КУРОЧКИНА (Безъ заглавія, изъ Шевченка).
«Народное Чтеніе», 1859, кн. 6, стр. 134.

XXIV.

НЕ ВЕРНУВСЯ ИЗЪ ПОХОДУ.

А. ПЛЕЩЕЕВА (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 144. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62).

XXV.

ПѢСНЯ.

А. ПЛЕЩЕЕВА. (Пѣсня, съ малороссійскаго). «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46.

XXVI.

ВЕЧЕРЪ.

Л. МѢЯ (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1859, кн. 3, стр. 153. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62).

XXVII.

И ШИРОКУЮ ДОЛИНУ.

А. ПЛЕЩЕЕВА (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 144.

XXVIII.

И БОГАТА Я.

А. ПЛЕЩЕЕВА (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 145.

XXIX.

ПОЛЮБИЛАСЯ Я.

А. ПЛЕЩЕЕВА (Безъ заглавія, изъ Шевченка). «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 147.

Н. Гербель.

20-го октября 1860 года.

С. Петербургъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (Автобіографія).....	5
<i>Охъ вы, думы мои, думы!</i> — Н. ГЕРБЕЛЯ	15
Перебендя — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	18
Тополь — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	22
Утопленница — Всеволода КРЕСТОВСКАГО	31
Порченная — Всеволода КРЕСТОВСКАГО.....	39
Дума (<i>Льются волны въ сине море</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	48
Дума (<i>Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою....</i>) — Н. БЕРГА.....	50
Дума (<i>Горько, тяжело жить на свѣтъ</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	53
Дума (<i>Для чего мнѣ черны брови?</i>) — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	55
Иванъ Подкова — Мих. Михайлова.....	57
Тарасова ночь — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	61
Гамалѣя — Н. БЕРГА.....	67
Платокъ — Л. МЕЯ.....	75
Катерина. Повѣсть — Н. ГЕРБЕЛЯ	79
Батрачка. Повѣсть — Л. МЕЯ	111
Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки» — Л. МЕЯ:	
1. Прологъ.....	141
2. Галайда.....	144
3. Третьи пѣтухи.....	146
3. Пиръ въ Лисянкѣ	152
5. Гонта въ Умани.....	159
6. Эпилогъ.....	168
Дума (<i>Проходятъ дни.... проходятъ ночи....</i>) — А. ПЛЕЩЕЕВА. 175	175
Доля — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	177
Жница — А. ПЛЕЩЕЕВА	178
Канунъ Рождества — Н. ГЕРБЕЛЯ	180
Покинутая избушка — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	182
Казацкая доля — Н. ГЕРБЕЛЯ.....	184
<i>Мы все живемъ и все не знаемъ....</i> — Н. КУРОЧКИНА.....	186
<i>Не вернулся изъ походу....</i> А. ПЛЕЩЕЕВА.....	187
Пѣсня (<i>Проторила я тропинку</i>) — А. ПЛЕЩЕЕВА.....	188
Вечеръ — Л. МЕЯ	190
Списокъ печатныхъ сочиненій Шевченка.....	193
Списокъ русскихъ переводовъ стихотвореній Шевченка....	197